

Александр Тас

Бесконечный путь по циклической спирали

Часть 2

Александр Тас

**Бесконечный путь
по циклической спирали. Часть 2**

«Издательские решения»

Тас А.

Бесконечный путь по циклической спирали. Часть 2 / А. Тас —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838087-7

Что если мы сами сдерживаем себя, становясь заложниками собственных страхов и стереотипов как о том, что нас окружает, так и о нас самих? Возможно, нам просто не хватает сил? Моральных или духовных? Умственных или физических? А как мы будем жить, когда обретём эту силу? Куда она нас приведёт? И чем всё тогда закончится? Одному молодому парню это удалось, и он окунулся в приключение, потрясающее сознание. Станет ли для него откровение мироздания великим даром или обернётся страшным проклятием?

ISBN 978-5-44-838087-7

© Тас А.

© Издательские решения

Содержание

17	6
18	28
19	52
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Бесконечный путь по циклической спирали

Часть 2

Александр Тас

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА СПИРАЛЬНОГО ВИТКА

© Александр Тас, 2018

ISBN 978-5-4483-8087-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

17

Лёд в сосуде, на две трети заполненном дорогим виски, мелодично издавал лёгкий и томный стук, когда прозрачные кубики ударялись друг об друга в момент того, как хрустальный бокал с толстыми стенками перемещался в пространстве комнаты. Вода от постепенно таявшего льда разбавляла дорогой напиток, делая его менее благородным и изысканным. Но лучше уж пить холодный и немного разбавленный виски, чем тёплый и неразбавленный. К тому же, немного холодной воды только дополняет купаж, раскрывая все ноты аромата.

Возле панорамного окна во всю стену стоял человек. Абсолютно голый человек. Стоял с бокалом в руке. Пил и, кажется, о чём-то думал. Он был спокоен. Судя по мускулистой сухой спине и крепким икрам, это был сильный человек. Определённо, он был молод, его возраст выдавали гладкая юная кожа и основательная горделивая посадка торса с прогибом в середине спины, как у дерзкого подростка. Ноги расставлены чуть шире плеч, от чего стойка казалась уверенной и вызывающей. На вид этому человеку можно дать не более тридцати лет. Скорее всего, он был даже моложе, может быть, ему было двадцать семь или около того.

Кожа, действительно, казалась очень гладкой и не походила на зрелую или старческую, она не морщинилась, не провисала в отдельных местах, но... Но она имела неестественно бледный оттенок. Была практически белой. Как будто этот юноша родился где-то на севере, и его организм не знал яркого дневного солнечного света. Редко можно встретить человека с кожей такого цвета, поэтому это сразу создавало впечатление болезненного вида, выходящего за рамки нормы. Кроме того, белый оттенок кожи омрачался кое-где синюшными подтёками, ярко выделяющимися на светлом фоне. То там, то тут к поверхности тела подходили мелкие сеточки капилляров тёмно-синего цвета, создавая паутинки из маленьких тонких сосудов с размытыми очертаниями, от которых по коже расплывался еле уловимый фиолетовый оттенок, превращающийся постепенно в светло-голубоватый и бледно-серый. Там же, где мышцы были особенно плотные налитые силой и рельефно раздувались, выпирая своими впечатляющими формами, вены проявлялись особенно чётко, выделяясь на теле уже не лиловой синевой, а бардовым багрянцем.

Стройная фигура парня с плотной суховатой и очень рельефной мускулатурой была обращена лицом к окну, шторы которого были практически полностью задёрнуты. Свет проникал только через узкую полоску так, что в большой и шикарно обставленной комнате царил полумрак. Дневные лучи падали прямо на стоящего с бокалом в руке человека, и тень от его фигуры ложилась длинным чёрным силуэтом от окна до самого конца комнаты, заканчиваясь у противоположной стены.

В номере дорогого пятизвёздочного отеля было темно и практически тихо. Загадочная напряжённая тишина окутывала тут всё. В воздухе висело странное ощущение. Мрачно, настоженно, тревожно и одновременно спокойно. Как в склепе, где царят безмолвность, безмятежность и вкрадчивая жуть, от которой цепенеешь. Если бы не шум воды работающего душа в одной из ванных комнат, еле слышимый из глубины номера, то атмосфера была бы, определённо, как на кладбище. Хотя даже этот шум мелких струй водопроводной воды можно было легко принять за капли дождя. Тогда картина становилась завершённой. Склеп с приоткрытым входом в виде штор, через щель которых пробивается немного живого света. На входе стоит мифический опасный страж с бокалом виски в руке, охраняя тайну этого зловещего тихого места, не подпуская никого к своей обители. А где-то снаружи идёт дождь, меланхолично навевая ещё большую тоску, перемешанную с печалью и роковой обречённостью.

Плеск воды в ванной затих, и через несколько минут в пространство комнаты кто-то вошёл, постукивая тонкими каблуками туфель по наборному паркету из дорогих пород дерева. Скорее всего, это были высокие «шпильки» на платформе.

– Какой вид... Шедевр античной скульптуры... Просто Аполлон, во плоти спустившийся с Олимпа!

Ответа не последовало. Никакой реакции.

– Ну, что же... Мне было очень даже приятно провести с тобой эту ночь. Мы славно повеселились. Правда? Скажу тебе по секрету, у меня ещё не было таких дьявольски сексуальных и страстных клиентов. Ты просто дикарь какой-то. Впрочем, мне понравилось... Очень.

– Заткнись...

– Что?!...

– Заткни свою пасть, шлюха...

Этот голос не предвещал ничего хорошего. Звучал он тихо и вкрадчиво, словно специально сдержанно, но в нём было достаточно холодящей нервы стали, чтобы создать напряжение и почувствовать трепет. Человек говорил с женщиной, не поворачиваясь к ней, продолжая стоять спиной к центру комнаты. Она почувствовала, что таким способом он словно выказывает ей какое-то особое неуважение, заранее принижая её перед собой.

Молодой парень стоял, не отводя взгляда от бокала, в котором практически уже растворились все льдинки.

– Ты закончила здесь?

– Д-да...

– Возьми деньги на выходе. Тебе должно хватить, там даже больше, чем нужно. Ты их честно отработала.

Сексуальная и эффектная дама оказалась с гонором и проявила свою стервозную природу.

– А знаешь, я, пожалуй, сделаю тебе скидку в размере ста процентов. Уж, больно ты сегодня ночью был хорош, красавчик. Я сама получила удовольствие. Настоящее наслаждение.

Статная фигура медленно развернулась лицом к женщине. На миг солнечный свет, пробивающийся сквозь узкую щель между шторами, открыл ей все черты лица этого загадочного парня.

Первое, что бросалось в глаза – очень короткая стрижка с длиной тёмно-русых волос примерно три или четыре миллиметра, от чего открытый лоб казался весьма широким и высоким. В целом же это было весьма правильное пропорциональное лицо без каких-либо явных недостатков. Гармоничная, но ничем не выделяющаяся внешность. Одновременно и очень даже посредственная, и располагающая к себе. Правильно посаженные на идеальном расстоянии друг от друга глаза. Чётко очерченный нос без курносости и не картошкой, словно вырезанный и подогнанный скульптором по стандартному шаблону. На щеках и подбородке была небрежная четырёхдневная щетина, грозившая вот-вот перейти состояние, когда щетина становится уже короткой бородой. Хоть растительность и пробивалась на лице, она не могла скрыть ярко выраженных линий черепа. Скулы, нижняя челюсть и подбородок имели графичный отчётливый контур. Под волосками щетины на подбородке угадывалась ямочка. Может, её там и не было, но очертание подбородка было весьма свойственно классическим волевым формам. Несмотря на это, в целом нельзя было сказать, что волевой подбородок – самая яркая особенность его внешности, так как на общем фоне всё оставалось весьма гармонично и даже обыденно. Нижняя часть головы казалась даже не столько волевой, сколько, скорее, ограниченной, как бы высеченной немного грубовато, словно нарочито топорно. Нижняя губа была более пухлая, чем верхняя, что так соблазняло женщин и воспаляло их сексуальные фантазии. Умные, проникновенные глаза с тусклыми зелёно-голубыми зрачками и ультрасиним ободком по контуру были весьма выразительными и придавали внешности своеобразной таинственности. Вопреки короткой стрижке уши не казались ни большими, ни оттопыренными, они были средние по размеру с не отвисающими, а сросшимися мочками.

В целом приятная, но ничем не запоминающаяся внешность без особенных признаков красоты или уродства. Тем не менее, такие лица определённо нравились особям противоположного пола, из-за своей мужественности, некой простоты и гармоничности, так как в таком лице угадывался доминирующий, волевой и жёсткий характер с альфа-признаками.

И эта неестественно белая кожа. Действительно, парень был похож на античную мраморную статую, которую подёрнуло червоточиной времён, и теперь на дорогом благородном идеально белом и отполированном камне начали проявляться дефекты в виде трещинок холодных оттенков, сразу бросающихся в глаза на белом фоне. Эти своеобразные трещинки вен и капилляров были разбросаны по всему телу: на висках, в местах сгибов рук и ног, на ключицах и больших мышечных группах, таких как грудь, бицепсы рук, позвоночные мышечные столбы, икроножные, широчайшие, предплечья. Голубоватые и синие сосуды, прилегая к поверхности кожи, переходили то в еле заметные серые тона, расплываясь и теряясь на атлетичном теле, то, напротив, становились где-то отчётливее, наливаясь яркой краской.

Женщина лёгкого поведения даже задумалась на секунду, не слишком ли она была вчера беспечна в выборе партнёрских связей, и всё ли в порядке у этого таинственного незнакомца со здоровьем. Может быть, ей стоит провериться сегодня у хорошего доктора на предмет заражения какой-нибудь страшной инфекцией, не подхватила ли она какую заразу. Не удивительно теперь, почему этот красавчик так любит сумрак.

Только эти мысли быстро улетучились прочь. Красавчик был явно вне себя от ярости, что тщательно пытался скрыть, старательно подавляя в себе гнев. Его лицо приобрело жестокое выражение, злое и беспощадное.

Проститутке хватило нескольких секунд, чтобы понять, что человек напротив вот-вот выйдет из себя. Он был полностью обнажён, но это его нисколько не смущало. Развернувшись полностью, его внешность скрылась во мраке комнаты, потому что теперь свет от окна падал ему на спину. Таким образом, перед женщиной стояла почти чёрная фигура... Зловещая, грозная тень.

– Я сказал. Возьми деньги и убирайся отсюда, шлюха. Я плачу тебе не за твои чувства и хорошее отношение, а за оказанную услугу. Всё. Проваливай. Ко мне должны скоро прийти.

Она повернулась и направилась к выходу по длинному коридору, попутно буркнув себе под нос что-то вроде: «Вот урод. Ну, и козлина... Сука...». Напрасно.

– Стой!!!

Слово прогремело в этом тёмном склепе, как удар самого большого колокола кладбищенской церкви.

Женщина от неожиданности замерла на месте, застыв на полшага в неудобной позе. Голос парня прозвучал для неё, словно приказ, но она не осознавала, что для неё это был уже приговор. Хотя где-то глубоко внутри, всё-таки, догадывалась об этом. Животный страх уже прокрался в самые потаённые уголки её сознания. Можно было, конечно, побежать к выходу и попытаться скрыться, если удастся устоять на этих дурацких туфлях, не сломав ни каблуки, ни ноги, ведь парень был голым и, вряд ли, сейчас кинется за ней. Но она уже попалась, играя роль загипнотизированного кролика перед удавом.

– Извини, я не это хотела сказать... Вовсе не это...

– Подойди ко мне...

– Прости меня... Ну, прости, прости... Я, правда, не это имела в виду, не то хотела сказать...

Она медленно, против своей воли, подошла, к разгневанной тени, чуть ли не плача от предвкушения собственной беды.

– А что ты сказала? Я не расслышал...

– Прошу, не заставляй меня повторять...

– Нет-нет... Давай.

– Не хочу повторять... Пожалуйста...

– Я настаиваю...

– Можно, я не буду это говорить?..

– Говори, ссука!!! Говори!..

– Я сказала, что ты урод и козёл... Прошу, успокойся...

– Не волнуйся за меня, я спокоен. Волнуйся лучше за себя... Это интересное мнение обо мне. А что ты ещё сказала?

– Я не понимаю...

Женщина уже плакала. Слезы стекали по лицу, смывая тушь с глаз, оставляя на щеках чёрные полосы и разводы. Плач грозил вот-вот перейти в истеричное рыдание с мольбами о пощаде. Она была к этому полностью готова.

– Ты сказала: «Вот урод. Козёл. Сука.» Верно?

– Да... Верно... Прошу, не бей меня. Молю.

Но парень её не слушал вовсе. Сейчас он играл в свою игру, где главным персонажем был только он один. Его игра, его правила. И никто не имеет тут абсолютно никаких прав, кроме него самого.

– Так вот послушай меня, тварь... Уродов и козлов в этой комнате нет. А вот одна сука, всё-таки, есть. Это ты. Поняла?!

Лучше было отвечать на вопрос.

– Дааа...

Он занёс руку над её головой, в которой всё ещё держал бокал с недопитым виски. Она вся сжалась и зажмурилась, ожидая, что сейчас получит первый из нескольких ударов, которыми иногда заканчивалось её общение с клиентами. Побои были очень и очень редким явлением, но порой и такое случалось.

Парень наклонил стакан над жалкой заплаканной женщиной, и на её шикарные ухоженные волосы, аккуратно и объёмно уложенные после принятия душа, пролилась оставшаяся треть бокала. Алкоголь стекал по её голове, смешиваясь с тушью, помадой, тональным кремом и тенями. Вид у дорогой элитной «ночной бабочки» стал nepотpeбный и, уж, точно не товарный.

– Ты – сука. Понимаешь? Проститутка. Отвечай мне.

– Дааа, понимаааю.

– Поэтому ты сейчас свалишь отсюда. И возмёшь деньги на выходе. Поняла меня?

– Дааа. Только не бей, прошу.

– Ещё чего? Бить? Слишком много чести для тебя. Убирайся.

Она вскочила и, не оглядываясь, помчалась к выходу. Её главной задачей сейчас было – взять деньги, лежащие у входной двери, и скрыться поскорее.

На выходе униженная женщина столкнулась в дверях с человеком, которого ждал этот жестокий и хладнокровный молодой парень.

Глаза незнакомца скрывали чёрные аккуратные и очень дорогие очки. Такие очки, по которым сразу можно судить о том, насколько человек богат. Не вычурные статусные очки в качественной оправе прямоугольной формы с закруглёнными краями. Чёрные линзы не позволяли разглядеть глаза. Вообще весь внешний вид этого человека выдавал в нём весьма уважаемого и серьёзного мужчину средних лет. Он был словно вылизан. Вылизан тщательно. Вылизан и отполирован. А потом снова вылизан. Так бывает у обладателей либо педантичного характера, либо у тех, кто очень сильно уважает или даже любит себя, либо у тех, кто ставит во главу всего внешний вид, придерживаясь фразы, что встречают всегда по одежке. Ещё такое можно заметить у людей с различными отклонениями психики на ранних стадиях шизофрении, когда любая пылинка должна быть непременно удалена с лацкана пиджака, а потом сожжена, чтобы ни в коем случае она снова не попала на ботинок или брюки.

Тем не менее, выглядел этот «джентльмен» идеально. Шикарно. Не броско, но дорого. Не вызывающе модно, а исключительно стильно. Так выглядят богатые люди, дорожащие своим внешним видом, ценящие в нём качество и скромное обаяние, когда всё понятно без слов и лишних пафосных мелочей в аксессуарах. Его можно было бы назвать «чёрным лордом» или «боссом теней», или, скажем, «вестником темноты», потому что в образе этого незнакомца не было ни одной детали другого цвета, кроме как чёрного: чёрные брюки со стрелками, чёрные лакированные туфли с тонкими шнурками, чёрные очки, чёрный стильный бадлон, чёрные часы престижной марки, вылезавшие из-под идеально подогнанного рукава полупальто, исключительно модного, выдержанного в консервативном классическом стиле, как ни странно, тоже чёрного цвета, с поднятыми отворотами. Чёрные волосы, не длинные, но тщательно и ровно зализанные назад на висках и на боках, словно отливали породистым блеском, таким же парадным и благородным, как лакированная кожа на туфлях. Ухоженному, но грубому и весьма брутальному лицу, как будто высеченному и огранённому, но не отшлифованному, придавала особого шёгольского шика зализанная в бок и немного назад чёлка. Волосы были уложены предельно гладко на одну сторону, открывая белую полоску кожи в виде пробора на тёмной блестящей чёрным лоском голове.

Несмотря на благопристойный и стильный вид, женщине показалось, что человек этот вовсе не такой милый и добропорядочный внутри, каким выглядел снаружи. А, скорее, наоборот. Вероятно, он обладал теми же качествами мерзавца, что и тот молодой парень, который остался сейчас в номере. Если не хуже. Аура, исходившая от таинственного господина, не была доброжелательной, она даже не была нейтральной. Если бы эту несчастную спросили, что она тогда почувствовала, она бы с уверенностью сказала, что это были два слова – холод и зло. Нет, три. Ещё жестокость. Скрытая, завуалированная жестокость. Холодное жестокое зло.

Похоже, что такие люди, как этот человек, ни перед чем не останавливаются. Может быть, поэтому у него такой дорогой внешний вид? Всё ради показного превосходства? Общее мнение о человеке в чёрном подтверждало само его лицо. Вероятно, из-за причёски форма черепа казалась какой-то острой. Острая – подходящее определение. Но острой казалась не только форма черепа, острыми были все черты лица. Острые губы, острый нос, острые скулы, острые края подбородка. «Края подбородка» – звучит как-то абсурдно, но у него они были, и они были именно острые. Удивительно, но на лице присутствовала щетина. Но и она являла собой идеальный образец щетины, словно щетина эта была частью продуманного до мелочей имиджа. Внешне человек создавал впечатление стремительного и целеустремлённого, ровно так же, как и безжалостного, жестокосердного, не знающего милости и прощения, подобно образу хитрого, изощрённого хищника на охоте, в которого превращается истинное чудовище.

Он уверенно стоял посередине прохода и безмолвно, пристально смотрел на заплаканную, посрамлённую молодую женщину, не оказывая ей ни помощи, ни участия, ни сочувствия в её горе. Никаких знаков внимания или же интереса к её беде. Ему было всё равно. Ей даже показалось, что он её сейчас презирает.

Женщина внутренне встrepенулась, вспомнив про голого парня в номере. Увидев деньги на тумбе у выхода, она боязливо и нерешительно взяла их с оглядкой на господина в чёрном. Тот просто наблюдал. Вернее, напряжённо выжидал. Ему, точно, не было её жалко, она отчётливо прочитала в его поведении презрение. Поэтому несчастная от греха подальше с плебейским видом проскользнула мимо него, боясь хоть немного задеть собой какую-нибудь часть тела этого господина или коснуться элементов его дорогой одежды. Тот стоял непоколебимо и надменно, специально не сходя с места. К своему счастью ей удалось, не тронув величественную чёрную фигуру, слиться с дверным косяком и, растекаясь по стенке, всхлипывая, протиснуться в коридор, где она, мелко и часто перебирая ногами, ломая каблук, быстро, чуть ли не бегом, направилась к лифту.

Незнакомец в чёрном медленно вошёл в номер, немного прикрыв за собой дверь, но не захлопывая её до конца. Он аккуратно, тихо и очень осторожно, как бы подкрадываясь к добыче, начал проходить в гостиную, минуя длинный и узкий тёмный коридор, соединяющий широкий холл прихожей с основной зоной пребывания гостей номера.

Дойдя до просторного богато и с изысканным вкусом обставленного гостинного зала, человек застыл в проходе коридора, чтобы осмотреться. Тут было по-прежнему темно. Шторы никто так и не распахнул. Мрак был повсюду. Но господин в чёрном не стал включать искусственное электрическое освещение, хотя его рука изначально потянулась к месту, где предположительно, с точки зрения эргономики, должен был находиться переключатель света. Более того, пальцы нащупали клавиши того самого переключателя. Немного постояв в таком положении, он решил оставить всё, как есть. По всей видимости, ему тоже так было вполне комфортно и удобно.

Он прошёл в центр зала и сел в уютный и комфортабельный диван, стоящий в комплекте среди второго такого же дивана и пары кресел. Напротив дивана, в центре композиции, находился интерьерный столик из натурального дерева в сочетании со стеклянной столешницей, украшенной резными узорами, на которой стояла начатая бутылка выдержанного купажированного виски престижной марки и бокал. Воцарилась глухонемая тишина. Господин средних лет в дорогой чёрной одежде прикрыл глаза и откинулся назад, к спинке дивана. Он был хладнокровен, спокоен и расслаблен. По крайней мере, внешне.

Вскоре в гостевую комнату вошёл тот самый молодой парень, который так жестоко и похамски обошёлся с падшей публичной женщиной. Он успел надеть штаны, но спортивный бледный торс всё ещё оставался без одежды, ноги тоже были босыми. В руке он держал тот же бокал, но уже освежённый, наполненный почти до самого края алкоголем с новыми кубиками льда.

Почуввав кого-то ещё в этой комнате кроме себя, парень насторожился и замер в ожидании.

– Это ты, Ишкария?!

– Да, Раин. Не волнуйся. Это я – Ишкариот.

– Я и не волнуюсь. Просто, если бы это был не ты, а кто-то другой, у него были бы сейчас серьёзные проблемы. Вот, кто волновался бы.

– Ооо, я прекрасно осознаю это. Поэтому и отозвался сразу же. Хммм... Чтобы не гневить твою персону... И не искушать судьбу. Хах...

Голос этого господина звучал уверенно и вместе с тем вкрадчиво, заискивающе и сладковато. Так, как шипит змея, гипнотизируя жертву перед смертельным броском. С одной стороны его тембр был сильным и акцентированным, Ишкариот даже выделял некоторые слоги и звуки, делая на них ударения, агрессивно и напористо заставляя собеседника обращать на себя внимание и относиться серьёзно к каждому слову. Но с другой стороны сама манера речи была поставлена так, что создавалось впечатление заигрывания и непринуждённости, словно в угоду собеседнику. Сразу становилось понятно, что имеешь дело с тонким и опытным психологом человеческих отношений. Душевым, проникновенным и умным, но ещё хитрым, изворотливым и лживым, а от этого невероятно опасным.

Конечно, могло показаться, что господин Ишкариот являлся двуличным и лицемерным человеком. Вовсе нет. Это совсем не так. Во-первых, он был вовсе не господин. Во-вторых, он был не двуличным, а, скорее, многоличным, причём каждая его личность не имела положительных черт. Ну, а, в-третьих, это был уже давно не человек.

Раин знал о коварстве своего гостя прекрасно. Поэтому решил сразу перейти к делу.

– И зачем ты пришёл? Говори. Я слушаю.

Ишкария взял бутылку со стола и с наигранным любопытством повертел её в руках.

– Развлекаешься?.. Прекрасный сорт, кстати...

– Мне всё равно... Главное, чтобы вставляло. А эта штука дурманит голову знатно... Что ты хотел-то? Давай без прелюдий.

– Ну, что же... Давай... Как тебе будет угодно, Раин... Как тебе будет угодно...

Он поставил бутылку обратно на стол. И снял очки, положив их тут же рядом. Не удивительно, но глаза у этого человека были тоже чёрные. Поразительно чёрные, настолько, что радужная оболочка зрачка, которая должна быть радужной, оправдывая своё название, была абсолютно, неестественно чёрной и полностью сливалась с самим зрачком в центре глаза.

Раин хорошо видел эти дьявольские глаза, выделяющиеся даже в тёмной комнате, где царилась тень на пару с сумраком.

– Присядешь?

Парню показалось, что это не любезный вопрос, а настойчивое предложение в деликатной манере, свойственной именно Ишкариоту, от которого отказываться будет себе дороже. Присесть необходимо.

– У тебя серьёзный разговор? Или так, по-соседски зашёл поговорить?

– А ты сам как считаешь? Стал бы я приходить к тебе, если бы разговор был не серьёзный?

– Нет, не стал бы...

– Вот видишь, ты сам ответил на свой вопрос.

Парню не нравился такой ход развития их «дружеской» беседы. Он чувствовал, как Ишкария постепенно начинает доминировать среди присутствующих в пространстве этого номера. И Раину это очень не нравилось. Его это бесило. Он психологически ощущал, как Ишкария пренебрежительно начинает издеваться над ним.

– Тогда зачем ты здесь? Если не по душам разговаривать? Может, пропустишь стаканчик с молодым поколением, поделишься опытом, так сказать, передашь часть своей мудрости... А?

– Твой сарказм сейчас неуместен, юноша. В тебе много амбиций и гонора. Это, конечно, хорошо. Но всему есть предел. Направляй эти качества в нужное русло. Тогда насладишься результатом. Считай это первой мудростью от старшего поколения. А сейчас послушай доброго совета – приструни свой нрав и разгорающийся пыл. И это уже вторая мудрость.

– Я сам буду решать, как мне себя вести в своём доме.

Может случиться беда, когда двум тиграм становится слишком тесно в одной клетке. Обстановка накалялась, но никто не хотел уступить своих позиций.

– Что же... Смешно тебя слушать. Ведь это – даже не твой дом. Это – всего лишь номер в отеле.

– Это не меняет твой статус гостя. Не забывай, что ты пришёл ко мне, а не я к тебе. Мне от тебя ничего не нужно. Поэтому я внимательно слушаю тебя. С чем ты пришёл ко мне?

Гость внимательно смотрел на парня и не перебивал. Он раскинул руки на спинке дивана и вальяжно сидел, развалившись, чувствуя себя вовсе не как гость, вопреки словам Раина. Хитрая улыбка Ишкарии не предвещала ничего хорошего. Раин это осознавал, но отступить был не намерен.

– Очень занимательный у нас с тобой получается диалог. А знаешь почему?

– Скажи ты мне, почему...

– Потому что ты пытаешься напомнить мне, кем я являюсь сейчас. Твоим гостем. Ты прав... Ты совершенно прав... Но всё дело в том, что по сути, это я пришёл сюда напомнить тебе то, кто ты есть на самом деле...

– Я прекрасно знаю, кто я такой... Я сам определяю свою судьбу и то, что мне делать или не делать... Мне ничего напоминать не нужно.

– Тогда ты, вероятно, должен помнить и то, с кем ты сейчас разговариваешь, полубес!

Ишкариот медленно наклонился вперёд, придвинувшись к столику, чтобы стать ближе к дерзкому собеседнику, сидящему напротив. Его неестественно чёрные глаза, не моргая, пристально смотрели прямо на Раина в упор. От такого жуткого взгляда можно было сойти

с ума, но испытываемый стойко держал удар. Когда веки злобещих чёрных глаз моргнули, то, поднявшись, они открыли ещё более наводящее страх зрелище. Глаза Ишкариота превратились из обычных с чёрными зрачками в звериные... Дьявольские... Чудовищные. На парня смотрела пара полностью кроваво-красных глазных яблок, в которых пламенели всполохами и переливами алые, бардовые и малиново-пунцовые оттенки. Глаза были яркие, словно в них, действительно, горел огонь. В тёмной комнате они выделялись особенно впечатляюще, производя нужный шокирующий до оцепенения эффект. Молодому парню стало не по себе. Испугом это назвать было нельзя, но по телу почему-то пробежала мелкая дрожь, а ладони моментально стали влажными. Он почувствовал, как на пояснице выступили холодные капли пота, и под сердцем что-то сдавило, начав непрерывно колоть, отдаваясь тем же покалыванием в стопы, кончики пальцев и низ живота.

Чтобы поскорее прогнать от себя это гадкое самочувствие парень, набравшись смелости, быстро и резко ответил.

– Не называй меня так!

– Как скажешь... Как скажешь... Можешь считать себя кем хочешь, но у тебя особая сила. Тёмная сила. Сила полубеса.

– Но вот только я не такой! Я – не полубес! И распоряжаюсь я этой силой в особых целях. Тогда, когда необходимо. Я способен её контролировать. Поверь мне.

– Как раз поэтому я к тебе и пришёл. Видишь, всё сходится... Всё сходится, Раин. Хах... Есть новое дело. Думаю, тебе оно будет интересно.

– Я слушаю. Внимательно.

– Мы хорошо начали. Эти выродки заслужили то, что с ними стало.

– Согласен. Город без них будет только чище. Что, есть кто-то ещё?

– Всегда есть кто-то ещё... Грязи хватает всегда и везде. Ты сам знаешь, что идеального ничего не бывает. Раз уж ты взял на себя такое бремя, то, мне кажется, нужно продолжать и дальше. В конце концов, кто, если не ты? У тебя дар. И ты должен реализовать его в полной мере на благо этого города. Во благо людей... Во благо людей, Раин.

– Я никому ничего не должен. Я решаю сам.

– Это так... Это так. Но если ты, действительно, сильная натура, ты примешь любое испытание. Тем более, что это касается не только тебя. Ведь это правое дело, как бы банально это не звучало. Подумай.

– Сначала ты называешь меня полубесом, потом говоришь о каком-то правом деле, о долге, о благе. Что-то я не пойму, за кого ты меня принимаешь?

– Странно, что ты ещё не осознал то, что и так очевидно.

– Так просвети меня – дурака...

– Ты – величайшее творение природы. У тебя есть то, чего нет у других. Неужели, ты думаешь, что кто-то может быть тебе ровней? Вряд ли... Именно поэтому ты по определению свободен от всевозможных предрассудков, от чужого мнения, от общепринятых норм и различных комплексов. Ты априори по другую сторону от добра и зла. И ты ни на чьей стороне. Ты сам по себе. Ничто тебе не может диктовать, как себя вести и что делать. Потому что никто не может сломить твою волю. В конечном итоге решение принимаешь только ты. Сила – вот что делает тебя свободным. И свобода твоя безгранична настолько, насколько ты силен. Полубесы, бесы – это всё просто слова, которые ничего не значат для нас. Кто-то вкладывает в них негативный смысл. Плевать. Лично мне всё равно. Надеюсь, что тебе тоже. Гораздо важнее, кто ты сам, кем себя считаешь, кем являешься на самом деле.

– Кто на этот раз? Крупный вор? Убийца? Бандит? Взяточник? Оборотень в погонах? Криминальная группировка?

– Что-то в этом духе. Плохой человек. У него ресторанная сеть. Склад. Свой бизнес. Подпольные дела... Грязные, разумеется.

– Ты всё проверил? Информация точная?

– Сомневаешься?

– С чего ты взял? Просто нужны очень веские причины, чтобы делать то, чем мы занимаемся. На кону чья-то жизнь.

– Эта жизнь строится на чужом горе. Ничего хорошего эта жизнь с собой не несёт. Он – плохой человек, и заслужил смерть. И да, разумеется, я всё проверил, если тебя это обнадёжит. Он – часть того, что мы называем криминалом. Скрытно, незаметно этот человек проворачивает свои дурные дела в нашем городишке, на нём сходится много ниточек. Иначе откуда у него всё то, что он имеет? Подумай сам.

– Ну, хорошо. Я должен хотя бы посмотреть на него. Сам всё проверю ещё раз, если потребуется. Будем работать по старой схеме, да?

– Конечно... Конечно.

– Где его можно найти? Хочу немного прощупать его жизнь, может быть даже проследить.

– У него сеть ресторанов, как я уже говорил, пара офисов, помещения под аренду. Ещё склад.

– Когда мы начинаем?

– Да хоть прямо сейчас... Через час он, скорее всего, поедет в один из своих ресторанов. Там он обычно обедает.

– Мы успеем?

Парень немного отпил из стакана.

– Если не будешь копать и поторопишься, то да. Тут не далеко. В центре города.

Немного подумав, Раин отпил ещё чуть-чуть.

– Виски будешь? Прекрасный напиток.

– Нет, спасибо... Спасибо... Ещё слишком рано для виски... Вероятно, вечером. Я смотрю, ты тут неплохо устроился на «общак» той группировки. Престижный номер в дорогом отеле, элитный виски... Шикарная блудница.

– Считаю это законной платой за мой труд. Плохих парней больше нет. Кто мне заплатит за хлопоты, риск и потраченное время? Официальные власти города? Ха-ха! И потом... Эти деньги всё равно попали бы кому-то в карман. Лучше, уж, в мой. Кстати, если не ошибаюсь, половину этих денег я поделил именно с тобой.

– Всё верно. Так и есть... Так и есть... Память тебя не подводит, Раин. Мы же работаем в паре. Собирайся, поедем.

Ледяной виски холодил ладонь. Всё это время Раин не выпускал стакан из рук, нервно покручивая его вокруг оси, словно играя с ним. Парень испытывал странные чувства при общении с Ишкарией. Тот словно периодически, время от времени, проверял молодого парня на прочность, постоянно изучая его, заигрывая и заискивая с его характером, испытывая его личные качества на всевозможные свойства. Ишкариот иногда повторял некоторые слова в разговоре, порой даже целые фразы. В эти моменты Раин ощущал, что его собеседник явно о чём-то думает, вуалируя свои мысли лексическими повторами речи. Почему-то парню казалось, что эти мысли не имеют никакого отношения к добросовестности или же к доброжелательности намерений Ишкарии. Раин не доверял этому господину в чёрном, хотя отчётливо понимал, что уже давно попал под его дурное влияние.

Взгляд уставился внутрь бокала, где ещё осталась ровно половина напитка от полного объёма сосуда из хрусталя. На поверхности плавали кусочки льда, а дно отражало слабые переливы и отблески тех немногих лучей, которые всё-таки проникали внутрь этой комнаты, так похожей на склеп. Эти переливы света, отражаясь от хрустального толстостенного дна, проходили через жидкость и приятно играли внутри тающих льдинок.

Любоваться такой красотой можно было очень долго. Словно в руках находился большой, холодный и редкий драгоценный камень, аккумулирующий в себе все спектры света, пропускающий их через себя и искрящийся всеми красками, как бриллиант.

Только вот парень, не предав этой чудесной красоте никакого значения, просто закинул бокал над головой, резко дёрнув ею назад, и разом выпил всё, что в нём было до конца, без остатка

– Поехали.

...

Городская дорога была достаточно свободной. В разгар рабочего дня машин в центре оказалось не много. Плотность потока в это время для большого мегаполиса становится минимальной и по улицам можно передвигаться достаточно вольготно.

На большой скорости по широким проспектам и узеньким закоулкам второстепенных и дублирующих улиц мчался чёрный автомобиль с глухой тонировкой стёкол и блестящими глянцевыми дисками, тоже чёрного цвета. Машина престижной марки в дорогом и самом новомодном обвесе выглядела весьма сурово и агрессивно. Это была злая, очень злая и нервная машина. Изначально респектабельный и солидный автомобиль был переделан под спортивный гоночный болид и сочетал в себе неприкрытую роскошь, выставленную на показ, с невероятным потенциалом скрытой силы и энергии, таящейся внутри, то и дело вырывающейся наружу. Это сравнимо с тем, как матёрый и нервный боксёр-тяжеловес на пресс-конференции снимает дорожный пиджак костюма и отбрасывает весь официоз события, угрожая оппоненту расправой, играя своими мускулами и размахивая кулаками, которые прекрасно знают своё дело. Ярость, жестокость и подчеркнутое превосходство кричали о себе в этом полностью чёрном авто.

Визг тормозов, резкие и внезапные заносы на поворотах, срыв с места после прокручивания колёс, дым от жжёной резины покрышек, большая скорость на коротких и опасных участках, бессмысленные обгоны – всё это говорило лишь об одном, что за рулём сидел дерзкий и наглый водитель, который уверен и даже самоуверен в своих силах и который, уж, точно не собирается ни с кем считаться на дороге.

Опасен ли этот автомобиль для окружающих? Безусловно. Очень опасен? Конечно. Но водителю было всё равно. Он твёрдо уверен, что держит ситуацию под полным контролем. Возможно, так оно и было, но никогда нет никаких гарантий, ведь всегда может случиться что угодно и когда угодно.

– Ты проехал на красный...

– Третий раз уже, если ты не заметил... Не волнуйся, я знаю своё дело.

Ишкария внимательно посмотрел на Раина и надменно улыбнулся. Ехидная ухмылка на кончиках губ стала отражением его глаз, в которых сверкнул огонёк вожаковой страсти, такой, когда ребёнок получает долгожданную игрушку и с нетерпением распаковывает её из коробки... Или такой, когда маньяк-людоед загнав и убив свою жертву, отрезает от неё ломоть некогда живой плоти, чтобы вкусить человеческого мяса.

– Четвёртый... Если быть точным.

– Значит, следующий будет уже пятым.

Ишкариот ничего не ответил. Вид у него был какой-то радостный и удовлетворённый, словно он выиграл в лотерею, но нарочно сдерживал эмоции, потому что счастливый билетик выпадает ему с периодичностью один-два раза в неделю.

– Прощу тебя только об одном. Не выезжать на встречную полосу.

– Что страшно? Боишься за свою жизнь?

– Нет, боюсь за эту машину. Мне, вряд ли, будет причинён серьёзный вред. А вот такое авто восстановить будет сложно.

– Значит, куплю новое... А-ха-ха!

- И всё же... На встречу, будь так любезен, не выезжай.
- Как скажешь.

Педадь газа была выжата до упора, руль повернут уверенным и коротким движением влево, затем быстро приведён обратно в исходное положение. Злостный чёрный рычащий аппарат, выдающий предельные скорости за короткие промежутки времени, метнулся через сплошную полосу, начерченную белой краской посередине дороги. Машина мчалась по встречной полосе движения, лихо уворачиваясь от немногочисленных автомобилей, изредка встречающихся на дороге.

Выражение лица, с которым Раин ехал по встрече, возможно, на randevу с собственной смертью, было такое, что любому могло показаться, будто он псих ненормальный. Маниакально горящие глаза с нездоровым задором и наглый оскал свидетельствовали о том, что такая экстремальная езда доставляла ему несказанное удовольствие. Он абсолютно не чувствовал паники или же страха. Подобная ситуация для Раина представлялась совершенно нормальной в своём принципе, ведь для него тут не было ничего опасного или даже хоть немного из ряда вон выходящего. Парень резвился и дурачился, показывая свой залихватский нрав и бесшабашность не столько перед тем, кто сидел рядом, на месте пассажира, сколько, скорее всего, перед самим собой... А, может быть, он красовался перед самой судьбой, одновременно демонстрируя своё неоспоримое превосходство над всем миром, параллельно наслаждаясь чувством доминирования над жалким и никчёмным людским окружением.

- Раин, я всё же настаиваю, чтобы ты вернулся на свою полосу...
- Тебе разве не весело?

Для молодого и самоуверенного гонщика стало очевидно, что сейчас он уже издевается не над самой судьбой, которая, казалось, теперь была не в силах что-либо сделать, он начал дёргать за тонкие струнки терпения и ещё более тонкие нервные нити того создания, что ехало с ним на месте штурмана. Парень делал это абсолютно осознано и получал от этого колоссальное удовольствие, сравнимое только с истинным наслаждением и даже упоением. Кураж и азарт настолько затмили разум Раина, что он практически занёс одну ногу над условной границей, которую никто не смел переступать в общении с Ишкариотом, а если кто-то и осмеливался это делать, для них всегда подобная ошибка заканчивалась одинаково печально, становясь последней в жизни.

– Всеми есть разумный предел. Всеми есть предел, Раин. Даже моему терпению. Я повторять не стану...

- Ты уже повторяешься, Ишкария.

Раин совсем разошёлся и начал откровенно хамить, издеваясь, испытывая попутчика на эмоциональный срыв, играя с адским пламенем в руках.

- Не вынуждай меня... Не вынуждай...
- Вот, снова повторяешься...

Настала гробовая тишина, заглушающая рёв мотора. Только глубокое и тяжелое дыхание через нос выдавало раздражение попутчика, который был вне себя от наглости распоясавшегося парня. Но Ишкариот умел держать себя в руках, тем более, когда ему это было важно и необходимо.

Раин слышал справа от себя голос, похожий на шипение змеи, пока которая гипнотизирует свою жертву, но вот-вот бросится на неё. Разница в том, что шипящий голос казался не угрожающим, а очень спокойным и вкрадчивым, но слышно было каждое слово, каждый слог, каждую букву отчётливо и ясно. И всё же, как и любое змеиное шипение, этот звук создавал тревожное леденящее чувство опасности, панически сковывающее, вводящее в ступор. Периодически напор голоса немного усиливался, надавливая на отдельные слоги и выделяя их ударениями, тем самым ещё больше нагнетая обстановку в машине. Но тут же снова сила нажима на голосовые связки стихала, сдерживая в горле Ишкарии злобу и гнев.

– Ты забылся щенок... Ты, вероятно, забылся... Ты забыл, с кем разговариваешь. Откуда у тебя эта сила... Кто научил тебя всему... Кому ты должен быть благодарен... Ты совсем ещё недоросль паршивая, а пытаешься мне тут что-то доказать или показать. Ты сравниваешь себя со мной, пытаешься казаться независимым и таким особенным... Но ты даже не представляешь, насколько компрометируешь себя этим поведением... Мне сотни, тысячи лет... Я – творение вселенной, которому нет равных... А кто ты? На тебя смотреть смешно... Глупое ты создание... Совсем глупое... Это тебя не красит, поверь мне... Ну, что? Твой пыл немного спал? А знаешь почему? Да, потому что ты мне ответить ничего не можешь... Скорее всего, хочешь, но точно не можешь... У тебя паралич... Потому что ты боишься меня... Несмотря ни на что, ты боишься меня, Раин. Сколько раз мне это повторить, чтобы тебе стало доступно и понятно? Я повторюсь? Да. Ты меня боишься. Это правильно... И это нормально... Потому что я сильнее тебя. В этом проблема? Прими, как факт... Я сильнее тебя. Не принимай близко к сердцу. Всё равно ты мне ответить не сможешь, и сделать ты мне ничего не сможешь... Полубес паршивый. Потому что я могу раздавить тебя быстро и окончательно, если захочу... И даже не вспотею. Понял, полубес?

– Не называй меня так...

Раин плавно вернул машину в свою полосу движения.

– А то что? Вылетишь ещё раз на встречу? Забавно. Ну-ну. Я это переживу, а вот ты – вряд ли. За тебя беспокоюсь, болван. А ты тут красуешься передо мной, как перед самкой малолетней. Какой же ты идиот, Раин. Не видишь очевидного. Полубес никогда не сравнится со мной. Никогда. Потому что он, всего на всего, полубес.

– Я просил не называть меня так!!! Не употребляй это слово! Я – не полубес!

– Тише, Раин. Тише. Раз, уж, ты меня прооосииишь. Но тогда и я тебя кое о чём попрошу... Вернись в свою полосу, паршивый полуб...!!! Вернись в свою полосу, Раин...

Дикий рык мотора немного стих, и грохот мощного автомобиля перестал оглушать тех, кто наблюдал за пролетающим мимо чёрным страшным, но красивым металлическим зверем.

Настроение у Раина резко ухудшилось. Ишкария умело поставил выскочку на место. Теперь они поменялись местами. С лица пассажира не спадала ехидная и самодовольная ухмылка, а водитель сделался в один миг хмурым и насупленным. Внутри молодого парня всё кипело и бурлило, но самое обидное то, что Ишкария был совершенно прав, и Раин, действительно, его боялся, потому что тот был сильнее парня во всех смыслах. Это превосходство нестерпимо раздражало парня и выводило из себя, заставляя его всё время думать об этом, разжигая внутри него ярость, злость и ненависть. Такое обстоятельство в их отношениях делало Раина вспыльчивым, падким на гнев и различные бесконтрольные негативные эмоции.

– Так-то лучше. Скажи мне, ты уже решил, как будешь действовать?

– Я пока ещё ничего не решил. Ты так говоришь, словно всё уже определил за меня. Не стоит этого делать. Мне нужно всё самому увидеть и обдумать. Кто этот человек, и насколько он заслужил то, что ты планируешь с ним сделать... Такие вещи сразу не решаются... Убийство – не игрушки... Да, кому я говорю... Ты сам всё лучше меня понимаешь.

Желания разговаривать у Раина не осталось вовсе. Но ему приходилось хотя бы отвечать на вопросы. Парень словно был зависим от человека, сидящего рядом с ним, попав однажды под его влияние. Теперь он стал, в какой-то мере, обязан Ишкариоту, находясь под его покровительством. Они даже стали нужны друг другу в определённой степени. По сути же, это превратилось в навязчивую привязанность, схожую с привязанностью между собакой и её хозяином, который самодурно ведёт себя по настроению, как ему вздумается. А питомец понимает это, но сделать ничего не может в силу своего положения и статуса, однако, имея вздорный темперамент и плохое воспитание, всячески пакостничает назло хозяину. Некая незримая связь между ними, однозначно, присутствовала, Раин чувствовал эту связь на ментальном уровне. К тому же фактически они были ещё и подельниками и, своего рода, напарниками в весьма

странном, провокационном и неоднозначном деле, то есть в борьбе за чистоту этого города от всевозможной мрази.

– Думать тебе придётся очень тщательно и основательно.

– Не беспокойся за меня...

Слова Ишкарии вдруг заставили парня задуматься над их смыслом, хотя сначала он отмахнулся от них, не придавая им особого внимания.

– А что? Могут быть проблемы? У него много охраны?

– У него вообще нет охраны.

– Тогда что? В чём проблема-то?... Дааа, мне всё равно, если честно... Нет разницы, что это за говнюк. Если это очередной зажавшийся и охреневший в конце гад, потерявший всякий страх, то он обречён на смерть. Это точно. Хах!!! Сколько мы положили уже этих уродов? Я лично перестал считать. И они были с оружием... Иногда их было довольно много... Им это помогло? Неа! Проблем не будет и сейчас.

– Ты прав, Раин. Ты совершенно прав. Мне нравится твоя уверенность и общий настрой.

В любом случае, ты окажешь этому городу очередную услугу.

– Услугу? Услуги обычно должны оплачиваться. Скажи, какой в этом деле наш интерес?

– Хм... Деловой подход. Разве тебе мало того, что ты делаешь доброе дело на благо общества? Ха-ха... Это тоже очень важно... Для спасения твоей души. Хах-ха...

– Я серьёзно. Со своей душой я сам разберусь. В церковь схожу, пожертвую побольше, грехи и отпустятся сами собой. А жить на что-то мне всё-таки надо.

– Кто знает, сколько наличных денег хранится в его офисах и помещения администрации? Но персонально для тебя есть кое-что более важное, чем какие-то материальные ценности и блага. Кстати, это напрямую связано с тем, почему у него абсолютно нет охраны. И... Это и есть основная сложность нашего предприятия.

– Что же это за сложность?

– Этот человек – хранитель материи...

Раин быстро перевёл взгляд на Ишкарию, тот сидел невозмутимо, просто смотрел вперёд. Тогда водитель ударил по педали тормоза. Колодки намертво впились в тормозные диски, и широкопрофильные спортивные шины завизжали, скользя по весеннему сухому асфальту дороги. Машину немного мотнуло и занесло, но Раин сумел удержать управление. Автомобиль остановился, чуть сместившись к тротуару. Все фары замигали жёлтым светом аварийных огоньков. Чёрный свирепый металлический зверь замер в ожидании.

– Нет.

– Что «нет»?

– Мой ответ – «нет»... Я не собираюсь иметь дело с воинами-пилигримами. В этом я участвовать не стану.

– Не волнуйся... Это «плохой» хранитель, он – негодяй и подонок, давно утративший в себе всё человеческое, ошалевший от денег и силы, давшей ему влияние, которым он сейчас обладает. Дааа, бывает и такое. Хранители, паладины, полубесы, бесы... Условные ярлыки. Есть плохие хранители и хорошие полубесы и даже бесы. Взять хотя бы тебя... Или, к примеру, меня. Ааха-ха-хаа!

– Хватит меня так называть, мне это не нравится!..

– И всё же... Кроме шуток... Я это серьёзно. Вполне серьёзно.

– Не впутывай меня в свои игры. Ваши проблемы – это только ваши проблемы, не мои.

Разбирайся с хранителями сам, а меня не трогай.

– Это не игры, Раин. Далеко не игры. Тут всё серьёзно. Предельно серьёзно.

– Всё равно, я не хочу участвовать в разборках между бесами и паладинами...

– А ты сначала дорости до бесов и паладинов.

– Хочешь решать свои проблемы моими руками? Не получится.

– Мои проблемы могут когда-нибудь стать и твоими... Учитывая, что ты тоже формально принадлежишь к нашей братии.

– Ну, всё, мне надоело... Я говорю: «Нет.»! Ты меня, откровенно сказать, уже достал! Сколько раз повторять, не надо меня сравнивать ни с кем! Меня это бесит! Бесит! Понимаешь?!

– Тогда просто подумай, какую силу ты можешь приобрести в процессе? Ты знаешь, о чём я говорю... Это дороже всяких денег, шикарных отелей, эксклюзивных машин и самых изысканных шлюх, с которыми ты резвишься по ночам. С такими неограниченными силами ты сможешь позволить себе всё, что угодно. Это будет новый уровень твоего состояния, самый исключительный. Благодаря ему ты сможешь получить власть над всем, о чём только вздумается, потому что равных тебе уже не станет. То, кто ты сейчас, лишь жалкая тень того, кем ты можешь стать. И ты понимааааешь... Понимааааешь, о чём я говорю. Не так ли?

Ну, конечно же, Раин прекрасно всё знал и понимал. Но самое страшное для него, что он сам этого безумно хотел хотя бы потому, что тогда он, наконец, сможет заткнуть Ишкарию, и тому придётся считаться с парнем, когда Раин вырвется из-под навязчивого покровительства, которое превратилось уже в откровенный гнёт и манипулирование.

– Мне не нужно всё это тем способом, что необходим для обращения. Я знаю условия, при которых становятся бесами... И меня это не устраивает... Так не пойдёт... Только не такой ценой...

– Мы что-нибудь придумаем. Главное – начать. То, что я предлагаю – великолепный вариант. И волки сыты, и овцы целы. Скорее, не так. Напротив. Мы убьём одним выстрелом двух зайцев. Вот более подходящее выражение.

– Я не уверен...

– Тебе всегда угрожает опасность, пока ты всего лишь полубес. Можешь обижаться, можешь злиться... Извини, но это факт, ты, правда, полубес. Полубес, у которого есть совесть и хоть что-то святое, но ты – полубес. Ты – человек с неординарными возможностями, весьма исключительный человек, особенный, не похожий на других человек. Ты – не такой, как все. Но ты всё ещё человек. Всего на всего человек из плоти и крови. И твоё тело, тело материи, физическое тело, называй, как пожелаешь... Является очень слабой составляющей этого мира, зыбкой структурой. Ты смертен. Ты силён, обладаешь способностями, которые многие считают сверхъестественными, но тебя можно убить. Причём сделать это довольно просто для определённого рода людей. Я говорю о воинах-пилигримах.

– Я согласен с тобой, я всё это прекрасно знаю... Но...

– Это, действительно, мразь. Он прекрасно вписывается в нашу концепцию грязных подонков, от которых мы лечим город. К тому же, он удачно подходит под твою основную цель, которую ты так вожделеешь. Разве, нет? Разве, я не прав?

– Всё равно, мне нужно проверить и самому убедиться в правильности решения.

– Несомненно. Просто подумай о силе, которую в состоянии приобрести.

– Я сказал, что мне нужно всё взвесить...

– Понимаю... Понимаю. Но не тяни с этим. У тебя есть конкурент.

– Что? Ты о чём?

– В городе появился ещё один полубес. Весьма сильный. Не такой, конечно, как ты. Но он имеет твёрдое желание обратиться, в отличие от тебя. Он уверен в себе, и он не колеблется, как ты. Он будет действовать решительно и быстро. И знаешь, мне кажется, он готов. А готов ли ты?

– Не дави на меня... Не нужно этого делать.

– Я просто констатирую факты. Ничего более.

– Иметь дело с хранителем... Рискованно и опасно. Мне кажется, не стоит желать лучшего, если хорошее у тебя уже в руках? Так можно потерять всё, что имеешь... Не так ли?

– Тебе кажется?.. Или ты бои...

– Замолчи! Я никого и ничего не боюсь!

Ишкарriot еле заметно улыбнулся сам себе. Улыбка была слабой, но весьма многозначительной. Чёрные зрачки хитро блеснули коварством.

– Тогда послушай, Раин... Риск, бесспорно, есть, но он оправдан, потому что награда будет достойной. Весьма достойной. К тому же, рано или поздно какой-нибудь хранитель явится к тебе, чтобы убить, кто-нибудь всегда приходит, причём тогда, когда меньше всего этого ждёшь. Таков закон природы, если не ты, то тебя. Эти сволочи только окружают себя ореолом добродетели, а, по сути, они ничем не отличаются от нас, они порой даже хуже. Хитрые, лживые и очень сильные твари. Думаешь, они не пользуются своей силой в личных целях? Так вот тебе яркий пример. Откуда у него такое богатство и власть? А ещё они считают, что имеют в своих карманах охотничий билет, на истребление таких, как мы с тобой, принимая нас непонятно за кого, а всё только потому, что они просто боятся, видя в нашем лице конкурентов, готовых оказать им реальный отпор. Разумеется, они уничтожают нас по одному, выслеживают и убивают, выжигая наши души. Я видел такое много раз. Это происходит внезапно, и лучше всего быть к этому готовым заранее. Кто знает, возможно, это будет именно тот воин-пилигрим, к кому мы едем сейчас. Вероятно, этот хранитель ещё не забыл до конца свою сущность и придёт к тебе первым, опередив тебя, но уже не как хранитель, а как паладин света. Тогда тебе определён конец. Тогда твоё тело умрёт, а душа выгорит, свет внутренней энергии выжжет её. Тебя не станет... Совсем не станет.

В машине стало тихо, только мерный и ровный шум двигателя из-под капота еле-еле слышался в салоне с прекрасной шумоизоляцией. Своими ладонями Раин сильно сжимал руль. Сжимая пальцы, он немного подкручивал кисть, напрягая мускулы, чувствуя всю крепость своих рук. Ему нравилось это упоительное ощущение собственных безмерных сил. Он представил на мгновение, что этих сил может стать ещё больше, безгранично больше. Тогда он станет безоговорочно, абсолютно свободен. Свободен от всего на свете, и уже сам сможет диктовать всем свою волю. Какую только пожелает. Парень молчал и думал, думал и представлял себе своё будущее, взвешивая все «за» и «против». Опустив подбородок к груди, Раин посмотрел из-под бровей куда-то вперёд. В глазах застыла жестокая целеустремлённость. Несколько десятков секунд ничего не происходило. Неожиданно он переключил ручку коробки передач, чтобы ехать дальше.

– Тогда я первый его убью.

Колёса прокрутились, резина снова неистово завизжала от трения по асфальту, и машина сорвалась с места. Быстро набрав скорость до ста километров, Раин снова почувствовал удовольствие от вождения. Но он не намеревался останавливаться на этой отметке, и стрелка спидометра, перевалив середину, уже понемногу ложилась на другую сторону. Машин на дороге по-прежнему находилось очень мало, раздолья хватало. И даже красные сигналы на перекрёстках всё ещё были не в силах хоть как-то повлиять на скорость статусного автомобиля, переделанного до неузнаваемости под спортивный гоночный болид. Не обращая никакого внимания на светофоры, Раин пролетел ещё мимо двух в тот момент, когда они горели красным светом.

– Ты заметил, что нас останавливал «сотрудник» на посту ДПС?

– И что?

– Быть может, стоило остановиться?

– Быть может, и стоило...

Видимо, дорожно-патрульная служба всё же решила исполнить свои обязанности, после увиденного чуда в виде смертельного номера с выездом на полосу встречного движения. На ближайшем перекрёстке один из слуг закона попытался остановить стремительный норостый чёрный автомобиль с помощью полосатого жезла. Тщетно. Раин не обратил никакого внимания на эту попытку. Он просто проигнорировал её.

Тогда через два перекрёстка состоялась вторая попытка. Оперативно получив по радиации координаты и описание нарушителя, охранники правопорядка на городских дорогах уже

вдвоём вышли на середину проезжей части и начали настойчиво жестикулировать своими чёрно-белыми жезлами, указывая в сторону бордюра, заставляя нарушителя притормозить, прижавшись к тротуару. Снова тщетно. Резкий манёвр, машина агрессивно вильнула в сторону, двигатель издал в адрес «сотрудников при исполнении» оскорбительный раскат всей своей мощностью, и энергичный грозный автомобиль превратился в быстро удаляющееся чёрное пятно, свернув куда-то на второстепенные улицы. Постовым посчастливилось, что их не сбило, и они остались стоять на своих ногах. Хотя особого рвения никто и не проявлял, особо героических поступков предпринято не было.

– Уйдём через дворы... Не хочу тратить на них время.

– Тут совсем рядом, Раин. Попробуй немного проехать, потом можно будет и пешком дойти.

Когда до места назначения оставалось всего лишь несколько кварталов, шикарному чёрному авто спортивного стиля всё же пришлось остановиться. Вынудила его это сделать случайно заглохшая поперёк узкой улицы патрульно-постовая машина, которая разворачивалась тут, совершая манёвр, чтобы направиться обратно, в сторону местного отделения полиции, и передать дежурную вахту сменяющему экипажу.

Ничего не предвещало беды.

Несколько секунд Раин и Ишкария просто наблюдали, как сотрудник правоохранительных органов не может завести старую рухлядь. Похоже, он уже залил свечи и ближайшие несколько часов, точно, никуда не поедет. Прошла минута. Две. На третьей нервы первыми сдали у Раина.

– Вот уууроод! Сука!

Парень сорвался с места и быстро вышел на улицу, активно и уверенно направившись к бедолаге в машине. Тот в одиночестве тщетно пытался завести казённый автомобиль, который в свою очередь уже чихал от жалких потуг, не проявляя признаков активности. На улице никого не оказалось, кроме них. Это была даже не улица, а какой-то переулок в глубине старого и полузаброшенного квартала, которые иногда можно встретить в центре города за пышными и пристойными фасадами.

Подойдя вплотную к машине, Раин положил руку на крышу, склонился и постучал в стекло.

– Долго ещё?!!!

Стекло медленно опустилось. В машине тоже сидел молодой парень, по всей видимости, ровесник Раина, лет двадцати семи.

– Чего?..

– Долго ещё копать будешь, спрашиваю?! Мы с товарищем торопимся.

Такой наглости и дерзости сотрудник полиции никак не ожидал. Он был к ней попросту не готов. Всё, на что его хватило в данной ситуации, так только на это:

– Чеегоо?...

– Вот заладил-то! «Чегоколка», бляха-муха! Долго ещё копать будешь? Или нам разворачиваться в объезд?

– Чеегооо?! Чеегоо ты там сказанул?! А?!

– И откуда вас таких, сука, образованных берут-то? Ладно, понял... Лучше в объезд. А то ты тут будешь до завтрашнего дня «чегокать»...

Раин смачно сплюнул на колесо заглохшей машины, которая, казалось, уже никогда не заведётся, развернулся и пошёл обратно к открытой двери со стороны водительского места. Он закатил глаза, сделал разочарованную гримасу, одновременно подняв указательный палец вертикально вверх на уровне плеча, и начал вращать им в воздухе по кругу, как бы говоря, что придётся разворачиваться, ибо этот мудака над своим куском железа будет тут пыхтеть ещё целую вечность.

– Стоять!!!

Обернувшись, Раин увидел, что патрульный-постовой, сидевший несколько секунд назад в машине, вышел и, приняв властную, уверенную позу, приказывал молодому парню остановиться. Слуга закона тоже оказался молод и горяч, но при этом он ещё был глуп, а от этого прямолинеен. Поэтому, оправившись немного от первоначальной растерянности и обескураженности, он решил немедленно и бесцеремонно разобраться с наглецом. Этот патрульный ещё не встречался с таким откровенным издевательством, оскорбления были тонкие, но он их уловил и понял, вероятно, от этого они укололи самолюбие полицейского настолько остро и больно, что тот решил покончить с этим одним разом, всё-таки он – официальное лицо и не позволит к себе такого отношения. Но основная причина бурной реакции была чисто человеческая. Обида и разочарование в том, что сам он просто не мог адекватно и соразмерно изысканно ответить парню из чёрного авто, также ярко и остроумно подобрав обидные для хама слова. После того, как спала остолбенелость, и ушло замешательство, полицейский не придумал ничего лучше и проще, чем сразу, в лоб, прибегнуть к силе, благо, полномочий у него для этого хватало, а повод был подходящий.

– Стоять, падла!

Развернувшись, Раин оценил ситуацию мгновенно, окинув взглядом того, кто его только что обозвал. Ноги полицейского широко расставлены, руки вытянуты по швам. Кулак сжимал резиновую дубинку. Вторая ладонь застыла неподалёку от кобуры, в которую очевидно вложено табельное оружие. На вид это был молодой, но уже раскабаневший парень примерно такого же роста, что и Раин или даже чуть пониже. Крупный, но крупность эта была не полезной и не функциональной, а, скорее наоборот, портила весь внешний вид. Поэтому из-за не слишком высокого, среднего, роста и изрядного количества лишнего веса, он казался мощным обученным боевым хряком, который твёрдо знает своё дело в части прав и полномочий и может быть очень опасным при случае.

Сделав удивлённое лицо и скривив немного шею, словно в судороге, Раин испуганно посмотрел на полицейского. Конечно же, он сейчас играл на публику, нарочно переигрывая, как актёры в комедийных сериалах. Дрожащей рукой парень указал на себя, ткнув пальцем в грудь.

– Да, ты! Кретин! Стой и не шевелись.

– Хорошо, как скажете, господин полицейский. Стою и не шевелюсь.

– Ты как со мной разговаривал, урод?! Я тебя сейчас арестую за неуважение.

– А разве за это арестовывают? Я даже не матерился...

– Умник, да? Ладно, умник. Сейчас ты по-другому запоёшь... Повод всегда найдётся, а причину потом придумаем, за что тебя наказать и как.

– Я всегда думал, наказание выносит суд, а не ваша организация... Но это очень мудрая фраза. Преклоняюсь. Мы с товарищем, правда, спешим. Позволь нам просто развернуться и уехать. Так будет лучше для каждого... Кстати, не знаешь какой сейчас курс валюты? Мне нужно деньги поменять... Лишние купюры в кармане, не знаю, куда их деть... Понимаешь?

– Вот это разговор. Видишь, умеешь же найти вежливый и деликатный подход. Думаю, мы договоримся...

Когда речь заходит о деньгах, эти ребята всегда всё понимают с полуслова, Раин это знал наверняка, на собственном опыте.

Патрульный кинул взгляд на молодого и дерзкого парня в кожаной короткой куртке, плотно и идеально чётко подогнанной по спортивно сложенному торсу. Под расстёгнутой курткой была одета обтягивающая чёрная футболка, бугрившаяся прорисовывающейся крепкой мускулатурой тела. Поверх футболки на чёрном фоне, свисая с шеи, ярко блестела толстая золотая цепь. Слуга закона быстро смекнул, что вещи на парне хоть и простые, но очень дорогие, подтверждала это тяжёлая и броская цепь из драгоценного металла. Потом он перевёл

своё внимание на машину. Тут говорить было не о чем вообще. Тачка шикарная, без лишних слов. Она стоила огромных денег изначально, примерно столько, сколько он зарабатывал в сумме за три или четыре года, без учёта грязных денег, подкидываемых ему в карман в виде взяток при мелких облавах, вымогательствах и провокациях, которые он сам и устраивал. Но гораздо больше было вложено в эту тачилу при её тюнинге и модернизации для превращения из машины классического модельного ряда в эксклюзивный спорткар. Всё это было видно невооружённым глазом. Догадываться об этом мог даже дилетант. Понимал это и полицейский, сделав главный для себя вывод, что деньги у наглеца есть... И деньги немалые.

Предвкушая лёгкую и такую близкую наживу, патрульный напрочь забыл об обиде и нанесённом ему оскорблении. Он посчитал, что его честь потерпит, и приглушил немного возмущившееся было чувство собственного достоинства, потеснив свои непоколебимые принципы. Как вдруг его осенило.

«Чёрный тюнингованный спортивный автомобиль на большой скорости без переднего номерного знака... Шшш... Повторяю. Чёрный тюнингованный спортивный автомобиль... Номерного знака нет... Шшш... Большая скорость... Шшш-шшш... Красный светофор... Шшш... Большая скорость... Красный светофор... Шшш...», – на служебной частоте ДПС несколько минут назад передавали координаты и описание нарушителя. Этот молодой полицейский прослушивал время от времени частоту коллег по работе с целью «взаимопомощи», результатами которой обычно становилась делёжка крупного куша между блюстителями правопорядка.

– Постой-постой... Лихач...

Раин сразу разгадал, что к чему. Разговор поворачивался в нежелательную для него сторону.

– Чёрная спортивная машина без переднего номерного знака... Кажется, сегодня удачный день...

– Послушай, мы торопимся... Давай вернёмся к тому, на чём остановились... А?

– Боюсь, что нет. Тут уже серьёзно ты попал, парень. Личную обиду, то есть неуважение... Эээм, оскорбление при исполнении я бы замаял ещё... Но тут по-взрослому ты влетел...

Раин решил идти до конца напролом.

– Деньги есть... Давай, я заглажу вину и лично перед тобой, и перед законом. Ты же тоже представитель закона. Зачем тебе ещё делиться с этими полосатыми палками?

Соблазн был великий. Но если провернуть всё официально, выгода представлялась тоже весьма весомая. Серьёзный нарушитель. Уход от сотрудников охраны правопорядка на дорогах. И только он один молодец. Его личными усилиями. Благодаря индивидуальным профессиональным качествам. С риском для собственной жизни. Рапорт для отчётности. Официальная благодарность. Премия. Возможно, даже по телевизору покажут. У начальства на хорошем счету. А если всё сложится, то повышение по службе. Прибавка к зарплате. Новое звание побыстрее дадут. Перспективы вырисовывались очень радужные. Решено.

– Нет, парень. Попал ты. Попал.

– Подумай, деньги-то немалые. А мы то-ро-пим-ся.

– Ммм... Нет. Это мой служебный долг, как-никак. Ха-ха! В следующий раз будешь знать, как рыпаться и возбужать на патрульных полиции. Это станет тебе хорошим уроком. Я тебе ещё и дачу взятки припишу до кучи.

Полицейский развернулся к заглохшей машине и, открыв дверь, потянулся к рации. Он не видел, что Раин решительно направился к нему.

Только успев схватить рацию, лежащую между креслами возле коробки переключения передач, патрульный почувствовал, как непреодолимая сила, которой невозможно было сопротивляться, активно тянет его из салона на улицу. Кто-то взял его за ремень и воротник плотной рубашки, резко выдернув из машины наружу.

Рация осталась в руке. Палец рефлекторно нащупал кнопку и судорожно нажал её.

– Патруль ноль... Чьёеет...

Голова полицейского встретилась макушкой с задней дверью машины. Снова его потащило куда-то назад, пришлось быстро перебирать ногами, чтобы не упасть. В месте удара осталась вмятина. Сопротивляться было бесполезно.

– Патруль ноль... Чьиыы...

Второй удар был гораздо сильнее первого. И снова головой в дверь. Несчастный полицейский превратился в живой таран, которым Раин штурмовал задние сиденья служебной патрульной машины.

Силы резко покинули полицейского, он выронил рацию. Разум немного помутнился от сотрясения мозга. Ему стало плохо, голова закружилась, он почувствовал, как теряет сознание. Его нестерпимо затошнило, и патрульный ощутил, что сейчас его вот-вот вырвет.

– Паскуда – ты!!! Я же ясно сказал, что мы торопимся!!! Дал бы нам уехать, всё бы с тобой было хорошо. Жадная ты сволочь!

Третий удар пришёлся не в дверь, а в стекло двери. И снова головой. Осколки расцарапали лицо и затылок бедолаги в форме. Но он этого не почувствовал, потому что уже отключился.

– Вот так-то! Отдохни тут, пока мы уедем.

Патрульный сидел на земле, облокотившись спиной на ту самую дверь, в которой теперь не было стекла, но зато была большая вмятина. На его груди осталось пятно из рвотной массы. Трёх ударов вполне хватило, чтобы вырубить этого «принципиального и неподкупного» блюстителя закона.

Полностью удовлетворённый Раин неспешно и вразвалку направился к своей машине. Подойдя к по-прежнему открытой двери водительского места, он снова услышал обращение в свой адрес.

– Стой!!! Стояаять! Ммммм...

Раин послушался и развернулся.

Напротив него, шагах в десяти, стоял потрёпанный и избитый патрульный. Лицо его было в крови и мелких царапинах. Он держался одной рукой за голову, которая невыносимо болела от полученных ударов. Ноги еле держали тело, тряслись и подкашивались. Его кидало из стороны в сторону, как будто он стоял в лодке, качающейся на воде. Кобура оказалась растёгнута, но оружия там уже не находилось, потому что вторая рука была поднята и выпрямлена в локте, а кисть сжимала табельный пистолет.

– Сейчас я тебя пристрелю, а меня оправдают, а ещё и наградят. Понял, ублюдок?!

На лице Раина появились черты, которые превратили его в истинного полубеса. Что бы он там не говорил Ишкариоту о том, что не считает себя воплощением тёмной стороны жизни. Сейчас перед патрульным стоял не человек, но зверь. Увидеть настолько искажённое злобой и ожесточённое ненавистью лицо, значит приблизиться на шаг к своей смерти, потому что второй шаг будет последним. Ибо так выглядит хищник, нацеленный на убийство своей добычи, своей жертвы. Он только лишь ждёт подходящего момента для броска, чтобы в следующую секунду растерзать врага.

Вены Раина вздулись и посинели, дыхание стало тяжелее, грудь вздымалась всё чаще, то расширяясь, то резко опускаясь вниз. Кожа стала ещё бледнее. Болезненный сероватый оттенок исчез, и теперь это был чисто белый цвет кожи с яркими, чёткими прожилками синего и фиолетового оттенков. Эти вздувшиеся вены и артерии пугающе пульсировали в такт дыханию.

Пистолет направлен прямо на Раина. В наступившей напряжённой тишине сухо и громко отщёлкнул предохранительный механизм взвода, приводящий оружие в полную боевую готовность. Стрельба будет вестись на поражение, это ясно. Остаётся только нажать на курок, и пули калибра девять миллиметров полетят в молодого и сумасбродного нарушителя.

– Что, страшно, тварь?!

– Нет!

Медленным, но напористым и неотвратимым шагом Раин двинулся к полицейскому. С уверенным и хладнокровным выражением лица он представлял реальную угрозу для существования патрульного. Словно одержимый или фанатик, находящийся не в своём уме, Раин выбрал объект, который был намерен казнить прямо сейчас, расправившись с ним быстро и максимально жестоко. Казалось, что этот парень в чёрном вовсе не знает ничего о таких понятиях, как милосердие, человеколюбие и жалость. Полицейский понял, опасность очень велика, и если промедлить, то его, скорее всего, убьют.

Первый выстрел, оглушивший маленькую узкую улицу, как гром, на мгновение остановил парня в чёрном. Но только на мгновение. Раин посмотрел на ранение. Пуля прошла навылет где-то чуть ниже ключицы, у плеча.

– Хана тебе, урод!!!

Раин кинулся к стрелявшему, в три энергичных прыжка преодолев отделяющее его расстояние. Следующие два выстрела тоже попали в цель, но уже не произвели абсолютно никакого эффекта на разъярённого полубеса. Он принял их своим телом, когда достигал полицейского, который застыл, как вкопанный с животным страхом и паникой в глазах от увиденного. Третья пуля, и вовсе, просвистела мимо головы Раина в роковой близости от его уха. Именно этот выстрел и определил судьбу покалеченного патрульного. Он мог спастись, если бы выстрел пришёлся точно в голову, продырявив её или размозжив череп. Такое прямое попадание смертельно для любого организма, любой человек умирает от пули в лоб, так же, как и любой полубес, и любой хранитель. Не исключением был и Раин. Но вот только вышло всё наоборот.

Левой рукой Раин взялся за ствол пистолета и резко дёрнул его, провернув вокруг оси, которой стала рукоять оружия. Послышался хруст костей. Это сломался указательный палец правой руки патрульного, оставшийся на спусковом крючке. Его вывернуло наружу спусковой скобой, и, конечно, металл оказался крепче костей и хрящей человеческой кисти. Теперь палец был согнут, но не в естественном, а противоположном ему направлении. Больше стрелять тут никто не будет. По крайней мере, патрульный, уж, точно.

Бедняга даже не успел почувствовать боль сломанной конечности, он не вскрикнул, и его лицо не скривило сморщенной гримасой. Всё произошло слишком быстро, а потом организм испытал состояние болевого шока, который разом притупил все чувства.

Правая рука Раина быстрым и коротким движением воткнулась в нижний участок подбородка по диагонали снизу вверх. Удар был не проникающий и размашистый, а чёткий с ограниченной небольшой амплитудой. После столкновения с краем подбородка кулак по той же траектории движения сразу вернулся обратно. Этого незаметного движения хватило, чтобы нанести максимальное увечье.

Челюсть оказалась выбита. Выбита и сломана на две половины. Теперь только кожа, обтягивающая лицо, не позволяла нижней челюсти отвалиться, распавшись на части.

Несчастный патрульный уже не понимал, что с ним происходит, оставаясь подневольным участником событий. От него сейчас и, вправду, мало что зависело. Он был обречён.

Удар голенью чуть выше колена сломил дряблого полицейского. Кажется, что-то треснуло и там тоже. Молодой патрульный словно смиренно преклонил одно колено перед Раином, соглашаясь с его неоспоримым превосходством, уступая ему в виду безоговорочного преимущества и принимая свою участь. Естественно, сделал он это неосознанно. Ему уже не было больно, так как шоковое состояние от страшных травм заглушало все нервные импульсы, мозг отказывался думать, а тело чувствовать. Он окончательно сдался, предвидя свой близкий и страшный конец. Но сопротивляться не было ни сил, ни возможности, а главное даже желания. Остался только страх перед неизбежностью.

Раин склонился над поверженным, положив на левую часть его головы свою сухую и венозную ладонь, полностью накрыв ею ухо. Пострадавший от сильных ударов, нанесённых с предельной скоростью и точностью, находился полностью во власти свирепого полубеса. Раин пристально заглянул в глаза патрульного, в которых не смог разглядеть уже ничего. Полное отсутствие мысли и признаков проявления воли. Даже мольбы о пощаде не прочитал Раин в этом пустом взгляде. Ничего. Но его это вполне устроило, потому что именно этого он и хотел. Полубес был рад, что смог выбить из этого человека всю дурь... Перед смертью.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Раин обернулся. Около его машины стоял, облокотившись на открытую дверь, Ишкария. Он с интересом наблюдал за тем, как молодой и вспыльчивый парень использует свою необузданную силу. «А может быть, он наблюдает за тем, как эта внутренняя тёмная сила использует меня, как она мной манипулирует, пытаюсь изменить?», – подумал Раин неосознанно. Эти слова пронеслись, словно вспышка где-то внутри него. Не в голове, нет, не в разуме, залитом гневом, а в душе, куда мрак ещё не успел проникнуть до конца, полностью пропитав там всё своим тлетворным злом.

«А вот хрен тебе...», – сказал про себя полубес, но сделал это уже вполне осознанно, с выражением.

Раин снова уставился на полицейского глаза в глаза. Первоначальное желание разделаться с ним, размазав его голову о крыло автомобиля, немного отступило, хотя оставалось вполне весомым. Ещё бы. В теле полубеса зияли три дырки, а одна пуля чуть не пробила ему висок. На месте патрульного мог сейчас оказаться он сам с дыркой в голове. Но желание испортить настроение Ишкарию поступком, которого тот не ждёт от своего подопечного, разжигало сознание молодого полубеса гораздо жарче, чем безумный гнев и личная злоба.

– Запомни этот момент, жалкий жирный слизень... Я могу легко прикончить тебя сейчас... Я хочу, чтобы ты осознал свою беспомощность... Никогда больше не вставай у меня на пути... Никогда... Второго шанса у тебя не будет... Я обязательно убью тебя при случае...

Раин крепко схватился за нос того, кто был сейчас на коленях, и провернул его, выкручивая и сворачивая в бок. Подумав ещё немного, полубес сильно ткнул полицейского в лицо, не отпуская зажатый пальцами сломанный и вывернутый нос. Тот тяжело завалился на спину всей своей грузной тушей.

– Мешок с дерьмом.

Успокоившись, Раин окончательно сменил свой гнев на милость и принял решение не убивать это жалкое создание. Он выпрямился, и его тело пронзила боль, как будто его проткнули горячим шершавым стержнем с зазубринами и металлическими занозами от головы до копчика. Боль была одновременно острая и тупая, жгучая и леденящая, но она определённо была невыносимой, такой резкой и внезапной, что всё тело сковало, и стало невозможно пошевелиться, а её эхо отдавало в самую макушку и нервные окончания на кончиках пальцев рук и ног, оставаясь там изнуряющим мучительным гудением.

Всё-таки, ранения стали хоть и не смертельными для Раина, но три простреленных в организме дырки оказались весьма ощутимыми даже для полубеса.

Разум снова чуть было не затмили эмоции, молодой парень вспылал, но, увидев сладкую и довольную улыбку Ишкарии, вовремя одумался и пришёл в себя. Раин подумал, что не убьёт этого полицейского, по крайней мере, сегодня, а пара сломанных рёбер этого жалкого хряка в форме довершат общую картину, сделав её идеальной. Он ткнул лежащего на земле и тихо стонущего полицейского в бок, вдарив ему ногой, но не слишком сильно, чтобы тот не умер от внутреннего кровотечения прямо на глазах у получающего удовольствие Ишкариота.

Постояв ещё немного над искалеченным телом, одновременно приводя в порядок и своё самочувствие, Раин сплюнул прямо на патрульного. Затем он медленно, преодолевая боль в теле, подошёл к открытой двери служебной машины. Аккуратно наклонился, опершись рукой на кузов, и поднял рацию, выроненную незадачливым слугой закона.

– Уж, лучше бы ты взял деньги, мудило продажное!..

Раин кинул рацию рядом с искалеченным телом.

– На вот... Исполни свой служебный долг, блюститель порядка. Раз ты такой принципиальный. Вызывай теперь кого хочешь... Если сможешь.

Пока молодой парень медленно ковылял к своей машине, бережно поддерживая сам себя за бок одной рукой и прижимая вторую руку к грудной клетке, он краем глаза заметил, как плавно спадала нахальная и самодовольная улыбка с лица его старшего напарника. Лицо Ишкарии стало мрачным и разочарованным, даже разозлённым, а выражение приняло вид, словно он только что вкусил кислый лимон, и его это взбесило, потому что ожидал он медово-сахарного послевкуся во рту.

Может быть, поэтому Ишкария, негласно считавший себя своего рода наставником парня, даже не шелохнулся, чтобы помочь Раину добраться до машины, и молодому полубесу пришлось в одиночку, преодолевая жуткую боль в теле, пройти весь путь самостоятельно. Добравшись, он рухнул на водительское сиденье и, захлопнув дверь, тяжело выдохнул. Убедившись, что всё позади, сел обратно в машину и Ишкария.

– Ты как, Раин?

– Хххх... Куртку мне испоганил...

– А сам как себя чувствуешь?

– Ты знаешь... Хххх... Довольно удовлетворительно... Хххх... Настроение хмурное... Хх... И немного в затылке ломит... Аххх... Наверное из-за погоды... Или выпил мало... К вечеру должно пройти... Аххх...

Шумное дыхание и свист в голосе говорили о том, что ранения были тяжёлые и серьёзные, но Ишкариот не сомневался, что Раин это переживёт, потому что представлял весь потенциал жизненной силы полубесов, их исключительные качества организма и возможности их физических тел, которые подпитывала полная особых энергий душа. Он сам был когда-то полубесом, до обращения. Тем более, что у Раина оставались силы на неуместный юмор.

– Я так понимаю, что мы уже никуда не торопимся? Верно, Раин?

– Ты правильно понимаешь, мой друг... Хххх... Я немного не в форме... Устал малость.

– Ничего... Ничего... Всему своё время. Всему своё время, Раин. Правильно же люди говорят, что ложка хороша к обеду.

– Что?.. Хххх...

– Это не важно... Не так важно, Раин.

– Думаю, мы отложим всё ненадолго... Ххххх... К концу недели я буду на ногах.

– Да, я тоже думаю, что выздоровление много времени не займёт. Видишь, как шатко положение полубесов. Ваше тело очень ранимо, это тонкая и хрупкая структура. Вот о чём я тебе говорил. Какой-то жалкий человек тебя чуть не застрелил. Что же тогда говорить о паладинах света?

– Ничего... Ххх... Это пока что я – полубес... Хххх... Но это не на долго... Ахххх... Посмотрим, на что способны эти твои хранители... Ахххх... Я умирать не собираюсь, это точно... Хххх... Пусть лучше они, чем я.

18

Когда лежишь на спине, деревья кажутся ещё длиннее. Ощущение такое, что они вот-вот завалятся и упадут на тебя. Под таким углом создаётся впечатление, как будто стволы растут не параллельно, а так, словно их основания у земли расставлены широко, но там, наверху, они сходятся друг к другу своими макушками. Видимо, это – секвойи. Как тут замечательно пахнет. Острые, колючие ароматы хвои, такие приятные и бодрящие. Вот он, бодрящий запах девственной нетронутой природы.

Некоторые деревья настолько высокие, что их верхушки прячутся в утреннем тумане, который уже начал понемногу рассеиваться то там, то тут, поднимаясь всё выше к небу, одновременно теряя свою насыщенность и плотность. В воздухе зависла утренняя влага, немного сыро, а кое-где мох и лесная подстилка ещё покрыты каплями холодной росы. Как здесь свободно дышится, несмотря на то, что всё вокруг словно насыщенно чем-то, пропитано особой составляющей, невидимой, но очень объёмной и тяжёлой. Каждый вдох питает организм силами и энергией. Хочется вдыхать глубже и глубже, наполняя лёгкие тем, что витает в атмосфере этого леса. Ещё немного и этим воздухом можно будет наесться, настолько он ощутим во рту, настолько он наполнен таинственным эфиром. Ощущение такое, что его совершенно реально собрать на весу в комок или в желеобразную массу, подержать в руках и надкусить. Но как же легко он проникает в тело, как же благотворно струится по нему. Осязаемый, но кристально чистый и прозрачный целебный воздух с хвойным привкусом. Им невозможно насладиться вдоволь, не покидает непреодолимое желание вбирать его снова и снова, ещё и ещё, как можно больше. Душа ликует от магического удовольствия. И вместе с тем всё это убаюкивает, успокаивает и умиротворяет. Гармония... Полная гармония. И наслаждение. Гармония и наслаждение.

Солнце ещё не взошло... Нет, скорее всего, оно взошло, но пока ещё не достаточно высоко, чтобы своими лучами пробить этот серовато-белый дымчатый туман, нависший над мирным сонным лесом и распластавшийся высоко в кронах деревьев. Белёная туманная мгла затмила небосвод и покрыла его всей своей призрачной массой так, что высокие деревья ухдили своими стволами в эту дымку и терялись, застревая в ней ветками своих крон.

Тихо. Очень тихо. Никаких звуков. Полная тишина. Спокойная тишина, не тревожная и не таинственная. Вовсе нет. Тишина смиренная, уравновешенная, безмятежная. Ничего тут не может произойти страшного или пугающего, это, уж, точно. Лес настолько безмятежный и меланхоличный, что ему просто нет дела до человека, лежащего здесь, между секвойями, на спине, широко раскинув руки и ноги в форме морской звезды.

Находиться в этом месте, безусловно, приятно. Просто замечательно здесь находиться. Так хорошо... Нет таких слов, чтобы описать, как здесь хорошо... Ооо, этот приятный запах хвойного леса, наполненный душистыми ароматами, в которых слышались полусладкие и полутерпкие нотки, удивительным образом сочетающиеся с утренней прохладой и свежестью.

Раннее утро... Поэтому так тихо. Природа сама, наверное, ещё спит. Что же, пора её немного побеспокоить. Только очень тихо и аккуратно. Поделикатнее, чтобы не нарушить и сохранить эту магическую атмосферу.

Аксель приподнялся, опершись на руки. Затем медленно встал и огляделся. Вокруг не было ни души. Он прислушался. Кажется, ему послышалось еле уловимое журчание воды. Но только послышалось. Он не был уверен, может, это плеск струящейся лесной речки, а может, он просто слишком резко вскочил с земли, и в голове что-то помутилось. Парень постарался напрячь слух, но второй раз ничего уже не услышал. Что же, надо проверить. Всё равно дел пока особо никаких нет. И Аксель зашагал куда-то, надеясь наугад выйти к предполагаемой воде, если только это было действительно журчание.

Пройдя несколько шагов, он поравнялся с одним из наиболее широких деревьев, чей ствол рос среди навала из пары-тройки каменных валунов. Ничего не подозревая, парень прошёл мимо.

– Приветствую тебя, Аксель.

– Оу!!! Уууххх!

От испуга парень аж подпрыгнул на месте и мгновенно развернулся. Рефлексы сделали своё дело, и он весь сжался, как пружина, напрягая все свои мышцы, готовый к любому продолжению событий. Но, увидев напротив себя Соломона, опустил руки, выдохнул и расслабился. Лицо озарила довольная и благодушная улыбка. Аксель был рад встретить в этом дивном месте своего товарища.

– У меня чуть сердце не разорвалось от страха. Нельзя так с людьми, Соломон. Нельзя.

– Я искренне прошу прощения. Просто не хотел тебя будить. И нарушать твоё личное пространство. Безусловно, я виноват. Нужно было догадаться и предусмотрительно выйти отсюда пораньше, чтобы не напугать тебя... Я не подумал.

– Ничего, всё в порядке. Ты давно здесь?

– Это в зависимости от того, что принимать за условный эталон, оговорив начало отсчёта и единицы измерения, при употреблении слова «давно».

Соломон, как всегда, был непроницаем и говорил совершенно серьёзно. Но Аксель уже привык к характеру и индивидуальным особенностям этого человека. К тому же за последнюю неделю парень лично убедился, что время, так же как и пространство – понятия весьма условные.

– Да, это ты правду говоришь. Время для меня уже давно потеряло смысл. Время... Пространство... Законы физики... Все эти эзотерически-астральные... Эээм... Не знаю, как выразиться, чтобы ты меня понял. Всё так зыбко, так тонко... Я словно на пороге величайшего открытия, словно предстал перед чем-то грандиозным, но только любуюсь всем этим чудом, не в силах осознать весь масштаб, всю суть, чтобы воспользоваться этим откровением и применить на благо... Словно я чего-то не понимаю... Но даже то, что мне открылось и открывается до сих пор... Это... Это... Волшебное... В общем, я начинаю привыкать. И знаешь, мне нравится. Сначала я воспринимал происходящее, как нечто особое, нереальное, выходящее за привычные рамки...

– А теперь?

– Теперь?.. Теперь это всё для меня и есть реальность. Всё это – часть моей жизни. Мне кажется, я начинаю проникаться чем-то новым... Хорошее чувство. Интересное.

– Чувство познания?

– Возможно, очень похоже на него...

– Желание жить полной жизнью? Желание жить, созидая?

– Да! Вот именно... Жить, познавать и созидать... Только в одно слово! Как это будет, Соломон? Ты должен знать.

Но Соломон только улыбнулся в ответ, поджав губы и отрицательно покачав головой из стороны в сторону.

– ...К сожалению, Аксель. Жизнь слишком многогранна, чтобы сводить всё в одно слово. Но я тебя понимаю, поверь.

Аксель не заметил, но они уже не стояли, а неспешно брели по пробуждающемуся лесу. Брели просто так, без особой нужды и определённой цели. Они гуляли и беседовали, как старые закадычные друзья.

– Сколько прошло времени с момента, как мы сидели там, на пляже? Какой сегодня день?

– Если не ошибаюсь, когда наши физические тела проснутся, будет уже суббота.

– Ооо, значит на работу не нужно завтра. Класс! Знаешь, а у меня такое чувство, что прошло уже полгода. Ох уж, эти внетелесные путешествия. Хочется кричать от переполнения эмоциями.

– Астральная проекция – часть твоей жизни не менее значимая, чем материальная. Мир материй не единственный. Определённо, ты сам этому свидетель. Твоё сознание прекрасно может существовать и вне физического сосуда. Но есть и другие миры.

– Например?

– Например, такие, где существуют единственно энергетическая или духовная составляющие. Есть миры, в которых господствуют исключительно чистый разум и сознание. В таких местах нет понятия материи. Если можно так выразиться, то всё материальное и осязаемое там – есть проявление чуда.

– Я даже не буду спрашивать, откуда у тебя такая информация...

– Как хочешь, можешь не спрашивать.

Соломон, видимо, был готов продолжить разговор на тему иных миров. Но по своему обыкновению в очередной раз не понял, что ироничное высказывание Акселя являлось вовсе не утвердительным, а имело тонкий подтекст и выступало именно в качестве вопроса. Парень в свою очередь добродушно простил это кадровику, не напирая на товарища и не задавая лишнего.

– Вот скажи мне, Соломон, я правильно понимаю... Если утрировать понятия... То есть физическое тело, так?

– Да.

– Есть разум... Так?

– Да.

– И есть ещё душа... Так?

– Да, сознание. Но чаще люди, почему-то, употребляют термин душа.

– Ага... Ну, да... А что из перечисленного самое главное?

– Очевидно, что это весьма субъективно.

– И всё же...

– Могу лишь высказать своё мнение, которое я определяю по отношению к себе же.

– Поделись... Мне интересно...

– Тебя интересует развёрнутый ответ или более краткий, в виде тезисов?

Зная всю скрупулёзность Соломона в подобных вопросах, Аксель понимал, если кадровик увлечётся, то ответ может затянуться надолго, причём, вероятно, больше половины из того, что скажет Соломон, Аксель и вовсе не разберёт.

– Постарайся покороче.

– Ну, хорошо... Попробую ответить максимально сжато в публицистическом стиле.

Аксель улыбнулся. Наивности и искренности Соломона не было предела.

– Как ты уже сказал ранее, условно можно выделить три тела существования жизни, которые составляют единую совокупность в определённой системе мироздания.

– Попроще, Соломон, прошу...

– Это ясно пока?

– Да, но ты на грани понимания.

Глаза Акселя искрились улыбкой, но лицо сохраняло внимательное и сосредоточенное выражение.

– Тогда продолжим. Три тела: тело духа, тело разума и тело материи.

– Ага.

– Обрати внимание, для меня порядок именно такой, как я перечислил.

– Значит для тебя главное – душа? Сознание?

– Определённо. Но человек, как сложное и уникальное творение жизни – есть целое из трёх тел, одновременно существующих и взаимосвязанных.

– А душа? Почему для тебя она на первом месте? Почему она так важна? Что в ней особенного?

– Душа?

Соломон немного замялся, Аксель почувствовал, что кадровик немного смутился, словно ему было неудобно говорить об этом. Как будто разговоры о душе являлись для него темой интимной и слишком личной.

Подумав немного, Соломон гордо поднял голову, с выразительным видом и присущей только ему статью открыто начал свою речь. Немного задумчиво, но необычайно вдохновенно кадровик говорил уже не с парнем, а словно сам с собой, вслух озвучивая негласные истины.

– Душа – есть единое из неделимого. Душа – есть мудрость, воля и любовь. Поэтому душа – есть начало всего, часть всего и конечная цель всего. Душа – есть опыт и созидание.

Аксель обалдел от такого ответа. Это было по-настоящему сильно.

– И что это значит?

– Ты запомнил, что я тебе только что сказал?

Парень, глядя себе под ноги, по памяти мысленно повторил произнесённые Соломоном слова, как скороговорку, параллельно заучивая её.

– Кажется, да...

– Тогда ты сам должен понять смысл. Это важно.

– Я постараюсь.

– Кто знает, вероятно, осознание этого добавит тебе стигматов на руках.

– Ты про эти символы в виде татуировок?

– Именно.

Аксель вытянул руки перед собой. Теперь кроме двух первоначальных непонятных иероглифов на бицепсах с внутренней стороны, обращённой к телу, на его руках проявились ещё несколько рисунков чёрно-серого цвета, среди которых можно было определить что-то, напоминающее спирали, прерывистые чёрточки и нечто, похожее на короткие тексты. Выглядела такая роспись эффектно, хотя сам парень никогда не мечтал о модных татуировках на своём теле, считая это глупостью и легкомыслием, навеянными сомнительной культурой и модными течениями. Но тут уж от него, как оказалось, мало что зависело.

Эти стигматы проявлялись сами собой, словно выжигая участки кожи изнутри, оставляя ожоги на теле в виде таких вот тёмных пигментных пятен. Он не знал принцип, по которому они образовывались, но мог только догадываться, вспоминая слова Самсона о жизненной силе, сопоставляя их со словами Соломона о накоплении опыта. У Соломона и Самсона тоже были похожие тёмные пятна на теле в виде узоров и символов, но у каждого свои, особенные, словно подчёркивающие их индивидуальность.

– Однако, единственно душа – вовсе не главное. Гораздо важнее её гармония и естественное сочетание совместно с разумом и плотью. Ни в коем случае нельзя забывать о развитии разума и, разумеется, тела материи, то есть тела физического.

– Да, я понимаю, о чём ты.

– Запомни одно. Предела нет. Всегда.

Аксель не нашёл подходящего ответа и решил просто промолчать. Но слова эти остались в его памяти так же, как и та «скороговорка», которую он только что заучил наизусть. Парню захотелось развить тему разговора, и он продолжил задавать вопросы без всяких плохих мыслей, поддерживая интересную беседу.

– Ну, а если же вернуться к моему вопросу и говорить о значимости души, материального тела и разума, то вот тебе простой пример. Есть одно выражение: «Сначала ты ищешь справедливость, а потом ты просто ищешь работу».

– И что?

– А то, что тяжело думать о высоком, сражаясь за идеалы, когда тебе нечего есть и ты находишься на дне жизни. Согласен?

– Вероятно...

– Это я и имею в виду. Невозможно пробудить мысли о высоком там, где их быть не может в принципе. Ты слышал что-нибудь о пирамиде потребностей Маслоу?

– Да, конечно.

– И что скажешь?

– Хорошая теория. Вполне применима к жизни.

– Вот видишь, простой пример, подтверждающий мои слова.

– Но я всё-таки возражу, с твоего позволения. Если не думать ни о чём, не верить ни во что, не представлять себе прекрасное и светлое будущее, то так и останешься где-то внизу этой пирамиды.

– Это всё лирика...

– Нет, Аксель, это работает, поверь. Сначала «мысль» потом «форма».

– Это ещё что?

– Имеется в виду, что ничего не бывает из пустоты. Материя тесно связана с мыслью, разумом. Если ты о чём-то подумал, представил что-либо, значит, это уже есть. В сознании, в твоей ментальности, и это уже реально, это уже существует. Только ещё не реализовалось. А если это откровенно и искренне, если ты действительно поверил в это, значит, оно обязательно обретёт материальную форму. Как угодно, но обретёт, нужно только быть готовым это принять.

– Чтобы что-то получилось, нужно что-то сделать...

– Это вопрос или нет?

– В смысле? Я не понял...

– Если ты утверждаешь, то снова зацкливаешься, замыкая свои мысли на материальном, это не совсем правильно. А если ты спрашиваешь, то я отвечу: «Да, нужно сначала что-то сделать. Например, сконцентрироваться ментально, подумать, осознать нечто, очень сильно этого захотеть, определиться, сформировать образ, который будет планомерно обретать форму».

– Опять ты с начала. Мы, как глухой с неммым...

– Только изменив себя, человек изменит своё окружение, но человек никогда не станет что-то делать вдруг, для этого первоначально он обязан изменить свой разум, образ мысли и только потом сможет обратиться к форме, прилагая все усилия. А начинается всё с души.

– Возможно...

– Вполне возможно... Так и есть.

Аксель и Соломон, прогуливаясь по утреннему лесу, оба получали удовольствие от разговора друг с другом. И природа располагала к этому, как нельзя лучше.

Шли они не спеша, очень медленно, еле-еле перебирая ногами. Торопиться всё равно было некуда, да и незачем. Тем более, что здесь было хорошо. Душа мирно существовала в этой девственной природе, она тут не просто существовала, она здесь жила и радовалась жизни, мерно пульсируя в унисон всему этому естественному великолепию.

Стало немного веселее от того, что солнце всё-таки смогло пробиться сквозь предрасветный туман своими живительными лучами. Раннее утро зазвенело, заиграло с ещё заспанной и вялой природой этого леса. Как только солнечный круг взошёл и оторвался от предполагаемой линии горизонта, терявшейся в негустом, редком лесу, его радостный свет заискрился и наполнил всё отблесками чуть тёплого света, прогнав мрак и подсушив всю сырость. Где-то внутри защекотало и немного защемило от удовольствия и восторга. Парню захотелось ликовать от счастья, вторив рассвету, чтобы стать вестником нового прекрасного дня.

Всё в этом месте было чудесно и удивительно дивно при кажущейся простоте и обыкновенности местных пейзажей. Природа, действительно, мудра. Мудра, поэтому скромна и сдержана при всём своём величии. Тому, кто живёт душой ничего не стоит найти прекрасное в её томном обаянии, даже находить не нужно, она сама откроет всю свою красоту, представ идеальным шедевром наяву. Природа не только скромна, она ещё и наивна, чем очень мила. Она трогает своей искренностью за самые чуткие струны души, будоража сознание, повергая разум в состояние приятного шока. Как тут красиво. Как тут хорошо и приятно.

Проходя мимо деревьев, сквозь которые мерцало восходящее солнце, Аксель заметил, проникающие в глубь леса лучи. Размытый ярким сиянием шар освещал местность, прокалывая её лучами разной ширины и толщины, чётко заметными в воздушной взвеси, витающей кристалликами в пространстве. Длинные деревья росли не густо, а, скорее, даже редко, из-за этого гулять здесь было весьма комфортно. Яркий свет падал только на одну сторону деревьев, другая была в тени и оставалась совсем чёрной. Ещё совсем рано, солнце не успело взойти высоко, и лучи стелились вдоль земли. Поэтому тени от секвой казались очень длинными и терялись вдаль, разделяя просторные участки поверхности лесной подстилки на ровные полосы. Аксель посмотрел под ноги. Оказалось, что он бредёт вкрест этим полосам, перпендикулярно, то проходя через светлые участки, то наступая на тёмные зоны, куда падала тень. Парень улыбнулся сам себе.

– Природа мудра...

– Что, прости?..

Аксель посмотрел на Соломона. Тот шёл чуть впереди по правую руку, обгоняя парня на полшага. Левая половина лица Соломона была освещена лучами, которые ласково грели его гладко выбритую щеку и слепили ему глаз, балуясь и заигрывая с ним, пуская «зайчиков» по коже, весело резвясь. Кадровик принимал эти шутки природы, прощая ей такие забавы, и просто периодически жмурился одним глазом, выходя из полоски тени и попадая в светлую полосу, пробивающуюся между стволами деревьев.

Почему-то Аксель сразу провёл параллели и аналогии. Он мгновенно перенёс все свои восторженные мысли на кадровика. А ведь Соломон чем-то схож с этой природой, конечно, если можно так выразиться. Нет, правда, всё, что сейчас испытывал Аксель, он мог отнести и к самому Соломону тоже. Одна основная и, вероятно, единственно важная мысль засела в голове у парня, кадровик так же, как и природа, мудр, но одновременно скромнен и сдержан. Это делает его исключительно благородным. В нём есть такая же естественная красота и породистая стать, какую можно почувствовать в этом чудном лесу. Всё в нём гармонично, правдиво и искренне, ничего лишнего, но всё только лишь прекрасно. Наверное, вот истинная ценность человеческой сущности, как части этого мира, как составляющей природы, неразрывно связанной с ней.

– ...Я не расслышал, Аксель.

– Ничего, я сам с собой... Мне нравится тут.

– Мне тоже. Природа натуральна и самородна. В ней нет фальши, всё элементарно, логично и просто, но подделать такое не под силу не одному гению, ни доброму, ни злому. Это – великолепие.

– Ты прав...

– Человечеству необходимо понять один неоспоримый факт, аксиому мироздания. Природа мудра...

Аксель добродушно улыбнулся ещё раз. Но Соломон продолжил, заканчивая фразу, начало которой полностью совпало с высказыванием парня.

– ...А человек – есть часть природы.

Улыбка парня постепенно сошла с лица, он внимательно начал слушать кадровика.

– Люди часто забывают про такой порядок, ставя себя на первое место. Мы выделяем человечество, превознося своё значение и пытаемся стать величественнее законов этого мира. Мы думаем, что умнее этих законов, но всё как раз наоборот. Потеряв гармонию с природой, мы утрачиваем и заложенную в нас мудрость.

– Почему же так происходит?.. Почему мы теряем эту связь?

– Разум... Мы восхваляем свой разум, определяя себя господствующим видом. Но применить силу своего разума человечество может лишь к миру материй. Причём применение это уже в своём начале становится ограниченным, когда из системы исключается составляющая сознания. Если бы мы были чуть мудрее, то, посмотрев на себя со стороны, искренне посмеялись бы над собой же.

– Да? Почему же?

– Потому что, не зная ничего наверняка, мы, напротив, пытаемся усердно что-то доказывать и несомненно утверждать, основываясь исключительно на силе своего ограниченного разума, обладая при этом только лишь «незнанием». Это ли не человеческая глупость?

– Понимаю... Развитие только одного тела, например тела разума, ведёт в тупик. Правильно?

– Совершенно верно, Аксель. Цепь познания в этом случае рано или поздно неизбежно прервётся. А вместе с этим замкнётся и спираль развития. Это, как оперировать с помощью заточенного гранитного камня, прижигая рану огнём, не подозревая, что где-то уже несколько сот лет назад придумали антисептики, лазерную заточку, где-то давно существует понятие генная инженерия, а где-то применяют регенерацию, лечатся силой внутреннего света и саморегуляцией тканей через сознание.

– Мы так часто принимаем на веру всё, что нам навязывается, что забываем истинные ценности.

– Скорее, наоборот, забывая то, кто мы есть, и что действительно важно для нас, мы теряем самих себя, находя ненужное, слепо принимая всё новое на веру. Потом наступает необратимый процесс по принципу «домино», когда реакцию уже не остановить. Одним из таких понятий я считаю доверие по незнанию.

– Доверие по незнанию?

– Да. Даже сейчас, когда мы с тобой общаемся, я неосознанно навязываю тебе своё мнение, свои мысли. А ты склонен мне верить, ведь твой личный опыт, уступая моему, не может быть в достаточной мере полезен для восприятия и анализа этой информации. Это и есть доверие по незнанию. Прислушивайся, прежде всего, к себе и только потом начинай доверять. Такое доверие станет осознанным и искренним. Само то, что мы общаемся на уровне слов, свидетельствует о качестве нашего с тобой самопознания. Ведь наше общение происходит посредством всего лишь тела материй.

– Что ты имеешь в виду?

– Телепатию. Можно общаться на уровне мыслей. Представляешь? Общение телом разума.

– Так вот что это такое! Точно, ведь разум определяют мысли и наоборот!

– Вот те уровни восприятия, где не может быть веры по незнанию. Потому что знание, как таковое, тут не имеет принципиального значения. Это понятие, основанное исключительно на силе разума.

– Наверное, этим можно объяснить то, как мать чувствует своё дитя на расстоянии, или вещие сны, или телепатические способности, о которых ты сказал? Я прав?

– Абсолютно, Аксель. Это более высокие понятия, чем общение телом материи с помощью органов восприятия. А что ты тогда скажешь про общение телом энергий? Телом сознания? Слышал понятие «родственные души»?

– Ну, конечно! Это и есть общение на уровне души?

– Определённо. Но это только малая часть от всего потенциала души. Сейчас это стало неосознанным качеством индивида, самопроизвольным свойством внутренних сил современного человека, скептически воспринимаемое теперь как что-то эфемерное. Теперь ты осознаёшь, насколько мы отстали от законов вселенной?.. Понимаешь, насколько человечество слепо в своём представлении о мире? Мы даже не стоим, мы пятимся назад, постоянно деградируя.

Аксель задумался. Пройдя ещё немного, он посмотрел на Соломона.

– Единство сознания, разума и материи подразумевает гармонию и непрерывное безграничное развитие.

Соломон остановился. Остановился и парень. Крупная сухая и венозная ладонь легла на плечо Акселя и плотно сжала его. Кадровик взглянул на своего молодого товарища тускло-голубыми глазами, наполненными печальной добротой, и в них блеснули холодные искры надежды.

– Да, Аксель. Да. Именно так. Предела нет... Имманентная связь души, разума и тела питает жизненную силу безграничной энергией, пробуждая свет жизни. Эта связь определяет трансцендентность возможностей человека, устанавливая явление потенциальной безграничности его способностей. Предела нет ни в чём и никогда! Запомни, Аксель, предела нет...

Соломон ещё сильнее сжал плечо парня. Для кадровика этот момент был особенно важен и наполнен смыслом. Аксель не понял всех слов из последней фразы, сказанной его наставником, но, кажется, до него дошёл её смысл, парень его почувствовал, как будто на уровне тела разума при передаче мыслей или даже на уровне тела души при обмене энергетическими материями.

«Вот, о чём говорил Соломон! Вот, что он имел в виду! Я чувствую его! Вот это да!!! Потрясающе! Немыслимо!», – Аксель получил необычайный эмоциональный подъём, испытав на практике то, о чём они только что говорили. Опыт и познание. Познание и созидание.

Парню снова послышался шум. Теперь стало ясно, что тогда ему не показалось, шум был уже постоянный и усиливался всё больше. Очень похоже на журчание воды. Что ещё может так звучать в лесу? Скорее всего, небольшая лесная река мелкая и узкая, так как более широкая и глубокая река текла бы спокойно и размеренно. А сейчас шум казался таким, словно искрящийся в весеннем солнце быстрый водный поток стремительно бежал среди неровностей в какой-нибудь канаве между двух склонов, юрко спускаясь по извилистому рельефу дна, омывая собой мелкие камни, ударяясь о крупные валуны, спадая с них в небольшие впадинки, задорно издавая при этом плеск.

Хранители подходили к этой реке всё ближе.

– Знаешь, Соломон. Я боюсь показаться сентиментальным идиотом или мягкотелым романтиком... Но не сказать просто не могу...

– Не волнуйся, Аксель. Делиться своими мыслями и чувствами с близким человеком – признак мудрости и силы, а вовсе не признак слабости. Хотя Самсон мне, очевидно, возразил бы.

Аксель не поверил своим глазам, но при этих словах на лице у Соломона проявилась искренняя улыбка, он пошутил и сам же позабылся над своей шуткой. Вот так невидаль! Такое поведение само собой предполагало, что Соломон считает Акселя близким себе человеком. Надо сказать, Аксель считал также по отношению к Соломону.

– Меня переполняют чувства. Со мной творится нечто очень волнующее, и я еле могу удерживать всё это внутри. Словно я перерождаюсь, словно там, под оболочкой тела, всё кипит, бурлит и меняется... Я места себе не нахожу. Может быть, я не всегда всё понимаю, наверное, мне нужно время... Но я чувствую... Я ощущаю перемены. Это, как взрыв бомбы внутри, ударная волна от которого накрывает меня снова, и снова, и снова. Это нормально?

– Но тебе нравятся эти перемены. Не так ли?

– Да! Это – восторг! Сплошной восторг! Нескончаемый! Но понять всё сразу мне пока очень-очень тяжело. Я боюсь что-либо упустить, что-нибудь очень важное.

– Смотри душой и сердцем, Аксель. Глазами не всегда можно увидеть самое главное. Душой – всегда. Это – всё, что я в данный момент могу тебе порекомендовать.

– И знаешь ещё что... Я боюсь показаться глупым, что ли... Так много нового для меня, что я слабо представляю себе, как мне реагировать на всё это... Не выгляжу ли я со стороны, как идиот...

Соломон прервал парня. Первый раз за всё время он прервал кого-то, не дав тому договорить до конца.

– Подожди, Аксель. Не придавай своим сомнениям такого большого значения. Старайся концентрироваться на более плодотворных вещах. Ты – молодец. Поверь, твои реакции адекватны, они естественны. А твои чувства абсолютно нормальны. Они прекрасны. Ведь ты, действительно, перерождаешься в прямом смысле слова. Потому что перерождается твоё сознание и твой разум, а вместе с ними и твоё тело. Ты становишься другим, не похожим на себя прежнего. Говоришь, что боишься показаться глупым? А знаешь, в чём принципиальная разница между умным человеком и глупым?

– Думаю, да. Знаю.

– И... Я слушаю... Внимательно.

Соломон принял выражение лица с очень заинтересованным и серьёзным видом. Но такая заинтересованность была вовсе не поддельной.

– Умный человек гораздо больше знает, чем глупый, глупый может что-то уметь, но не обязательно он что-то об этом знает. Умный, наоборот, знает много, но не всегда он может воплотить это в жизнь своими руками.

– Совсем неплохо, Аксель. Признаюсь. Твоя формулировка, действительно, глубокомысленна. Я об этом не думал с такой стороны.

– Перестань, я сказал очевидные вещи.

– Нет, что ты. Я вполне серьёзно. Твоё утверждение достаточно гротескное и интересно звучит по смыслу при наличии художественной образности. Но при этом с ним сложно спорить, потому что оно тонко подмечает всю принципиальную суть различия.

– Ха-ха! Ты прикалываешься?

Но Соломон не прикалывался. В вопросах «прикалывания над кем-то» он был профаном. После некоторого раздумья кадровик просто продолжил свою мысль.

– Это звучит абсурдно, но мне кажется, разница между ними в том, что у глупого человека ответов больше, чем вопросов, а у умного всё наоборот. Понимаешь, что я хочу сказать?

Наступила молчаливая пауза. Кадровик продолжал идти, мерно вышагивая среди полосок тени от стволов и пробивающихся меж деревьев солнечных лучей, периодически щуря один глаз. Он замолчал, предоставляя парню возможность подумать и самому прийти к нужным выводам и открытиям, а тот погрузился в себя, уткнувшись взглядом в землю перед собой. Вскоре Аксель поднял глаза на кадровика, пристально посмотрел на него, улыбнулся мягкой, добродушной улыбкой и произнёс только одну фразу.

– Ты копнул гораздо глубже, чем я. Определённо. ...Иии... Ты – мастер делать комплименты.

– Я рад, что ты услышал именно то, чем я хотел с тобой поделиться.

В разговор вклинился третий голос.

– Нууу, всёёё девочки, я сейчас расплачусь. Такой трогательный момент. Жаль, нельзя перемотать и просмотреть ещё раз.

Аксель и Соломон вышли к тому месту, откуда раздавался шум воды, бегущей по полоному склону между двумя холмами. Река оказалась такая мелкая и узкая, что через неё можно было бы перепрыгнуть, особо не напрягаясь. Это была не полноценная река, а просто поток

воды, стекающий откуда-то сверху куда-то вниз. Но несколько таких потоков, соединившись, вполне могли образовать настоящую речку где-нибудь там, ниже по течению. На одном из склонов, который был одновременно и берегом реки-карлика, сидел Самсон.

– Ну, сколько можно вас тут ждать? У меня уже задница затекла.

– Что ты тут делаешь?

– Здорово, пацан! Сиж. Не видишь? Природой люблюсь.

– А вы что делаете? Гуляете?

– Ага.

– Здравствуй, Самсон.

– Ооо, Соломон! Святые угодники!!! Какой галстук!!!

– Тебе правда нравится?

У Соломона загорелись глаза, он как мальчишка проявил на миг оживление и искромётную радость.

– Хм, это мог бы быть неплохой галстук... Если бы не его поносный цвет.

Самсон продолжал свою старую излюбленную традицию подтрунивания над братом, что доставляло ему удовольствие. Точнее, не само подтрунивание, а наблюдение за искренними и наивными реакциями Соломона.

– Ты не исправим, Самсон. Неужели, ты находишь это забавным?

– А что, разве нет? Правда, весело, пацан?

Но на этот раз Аксель ничего не ответил весёлому байкеру.

– Ладно. Проехали. Пока вы тут гуляли, взявшись за руки и признаваясь друг другу в любви, я кое с кем встретился и решил сразу же вас найти. Вам это будет интересно послушать.

– Что случилось, Самсон?

– Ишкарот случился, вот что.

Соломон преобразился в одну секунду. Из задумчивого, рассеянного и чудного мыслителя, он превратился в сконцентрированного и ожесточённого воина профессионала. Умного, расчётливого, знающего своё дело. Опасного и уверенного в себе.

– Ты встретился с Ишкаротом? Как это случилось? Что произошло?

– Он сам нашёл меня. Этот подонок сам меня выследил тогда, когда я этого не ожидал.

– Был бой?

– Нет. Не то место и не то время. Там было слишком людно. В кабаке, знаешь ли, тяжело драться с бесом. Сам понимаешь. Слишком опасно для окружающих. Да, и вообще опасно.

– Не понимаю.

– Он хотел поговорить.

– И что ему было нужно?

– Ты мне скажи... Он хотел поговорить с тобой, Соломон.

– Интересно, зачем?

– А я знаю?! Он только сказал, что не хочет с нами ссориться. Что ему нет до нас никакого дела, и надеется, что нам до него тоже. Врёт, падла! Он что-то задумал... Стерва... Я копчиком чую! Козлина! Сраный козёл!

– Что он ещё сказал?

– Что ждёт тебя завтра вечером в одном из ночных клубов в центре города. Сразу скажу, что один туда ты не пойдёшь.

– Почему?

– Я тебя одного туда хрен пущу. Это же западня. Что тут не понятного? К тому же такого красавчика, как ты, там местные цыпочки на части разорвут. Испортят тебя ещё, в загул пойдёшь, мучайся потом с тобой. Ну, уж, нет! Аха-ха-ха!

Суровый Соломон остался непроницаем, сохранив серьёзность и концентрацию.

- Если он не хочет с нами иметь никаких дел, тогда зачем просит о встрече?
- Наверное, речь об Акселе?

Кадровик уловил намёк байкера. Больше вопросов Соломон не задавал, потому что дальнейшие обсуждения могли стать излишне провокационными в присутствии парня. Братья друг друга поняли и решили плавно сменить тему разговора, благо, что Аксель, не предав особого значения реплике Самсона, подхватил обсуждение не с той стороны.

- Если вы пойдёте, то и я с вами.

– О, какой резвый! Хотя, возможно, пора тебя приучать к нашему ремеслу. Как считаешь, Соломон?

Но Соломон не ответил. Он погрузился в мысли над тем, что задумал Ишкария, потому что теперь ожидать следовало чего угодно. Ишкариот был бесом, а бесы не делают ничего просто так, тем более, когда имеют дело с воинами-хранителями. Ишкария начал действовать, это очевидно. И это тревожный момент, так как был один осложняющий фактор, а именно Аксель, который ещё не до конца осознавал весь смысл словосочетания «избранная пара».

– С вашего позволения, я удалюсь. У меня есть незаконченные дела, которые не терпят отсрочки до завтра. Встретимся вечером перед тем, как направимся в этот клуб, хорошо?

- Давай, брат. Увидимся.

– Уже уходишь, Соломон? Счастливо. Спасибо за разговор, я подумаю над тем, что ты мне сказал.

– Надеюсь, что ты всё правильно поймёшь и сделаешь нужные выводы. Прислушайся к себе и у тебя всё получится, Аксель. Я рассчитываю на тебя. Предела нет.

Соломон развернулся и пошёл в ту сторону, откуда он пришёл вместе с Акселем. Через несколько десятков шагов он скрылся в лесном пространстве среди этих высоких хвойных деревьев, проходя сквозь яркие солнечные лучи ласкового живительного рассвета, пробивающегося сквозь пробуждающийся лес. Фигура Соломона словно озарялась ореолом, когда тот проходил через освещённые участки леса. Аксель вдруг вспомнил и осознал для себя всем существом, что этот человек и есть тот самый светлый рыцарь-паладин, так отчаянно и смело сразивший тёмного беса в «Мёртвой пустоши». Сейчас на нём не было доспехов, не было оружия в руках, но всё равно он оставался светлым рыцарем-паладином. Внутри него была сила. Жизненная сила, делающая его тем, кем он являлся всегда вне зависимости от места и времени, кем был на самом деле. Совсем не важно, во что он одет, не важно, что он говорит и как себя ведёт. Важно, что было внутри. Душа, наполненная мудростью, волей и любовью. Чистый разум. Всё это в немыслимой гармонии с материальной плотью. Кадровик был глубокомысленный воин, умный и спокойный. Даже уходя, он оставлял надежду и веру во что-то светлое, во что-то хорошее и доброе.

– Я с тобой за ручку гулять тут не собираюсь, пацан. Ахаха-хах-ха! Садись рядом. Здесь вид шикарный. Вон, солнце встаёт. Красиво. Плюс река. Вода успокаивает. Садись.

Пейзаж, определённо, был исключительный. С этого пригорка, на котором Самсон дожидался своих товарищей, открывался великолепный вид, озарённый ранним ласковым солнечным сиянием. Склон очень хорошо освещался, и солнце даже немного прогревало лес, ещё наполненный весенней утренней прохладой. В этом дивном волшебном блеске всё вокруг словно замирало и дрожало. Казалось, дотронься до макушек деревьев, и они зазвенят, как прозрачный хрусталь. Река в низине весело журчала и спешила куда-то, чтобы рассказать всем о том, что солнце уже проснулось, и скоро повсеместно настанет живительное утро. Игривый поток воды иной раз так изгибался на камнях, что белые отблески ярких лучей отсвечивали прямо в глаза, отражаясь от холодной воды.

Аксель сел рядом с Самсоном.

– А почему моя персона так всем интересна? Ну, ладно, полубесам есть с меня толк, но бес... Я правильно понял, что этот... Ишкария? Да? Он же – бес? Что-то серьёзное случилось?

– ...Или случится... Посмотрим... Да, Ишкария... Ишкариот... Называй, как хочешь, хоть унитазом, но запомни одно, это очень... Это очень опасное создание. Если встретишь его, то... Короче, если встретишь его, это может плохо кончиться для твоего самочувствия. Я серьёзно. Он опасен... Охренеть, как опасен.

– Но он не хочет с нами конфликтовать, верно? Тогда что ему нужно?

– Он – бес! Этого уже достаточно, чтобы выжечь эту мразь без лишних вопросов! Помнишь, я говорил тебе о пути обращения «из полубесов в бесы»?

– Да, уж... Как такое забудешь-то?

– То-то и оно, пацан. Что ему нужно, пока не знаю, но ничего хорошего не жди. А раз этот выродок сам сунулся к нам, значит, что-то задумал, пацаль. Это хитрожолая тварь! Ооочень коварный подонок!

– Ты сказал, что речь, вероятно, пойдёт обо мне. Не просветишь меня? Есть идеи на этот счёт?

Самсон немного смутился, но быстро нашёл выход из сложной ситуации и сразу придумал, что сказать.

– Ты – воин хранитель с даром восприятия по рождению. В тебе изначально заложена сила истинного света. Конечно, для любого грёбанного ублюдка ты – объект для интереса. А для Ишкарии в первую очередь. Есть очень большая вероятность, что рано или поздно ты станешь паладином света. Ему, скорее всего, хочется, чтобы это произошло не в тот момент, когда он будет подыхать под тобой, выгорая от твоего внутреннего света души.

– А как он вообще узнал обо мне?

– А как определить, что было раньше яйцо или курица?

– Понятно... Так он боится меня?

– Ха-ха-ха!!! Не льсти себе, пацан! Вряд ли, он боится хоть кого-нибудь. Просто он очень осторожный и коварный хрен. Не даром же он столько прожил в этом мире. Ишкариот – самый древний и, пожалуй, самый сильный из всех бесов, которых я знаю, и которых знал.

– Насколько древний?

– Ну, мы встречались с этим бесом ещё тогда, когда одного из наших паладинов распяли на кресте. Из этого устроили тогда целое шоу, уроды грёбанные. Эти суки издевались над ним, как только могли: терновый венок, плети, пытки. Всё прилюдно. Потом заставили нести крест, к которому его и прибили в конце. Прибили в прямом смысле... Гвоздями к деревяшке. Его душа долго боролась с тёмной силой бесов. Мы не смогли ему тогда помочь... Никак... Ишкариот приложил к случившемуся свою грязную руку. Он непосредственно участвовал в этом зверском процессе расправы. Так что, да, я знаю Ишкарию давно. Мы с ним – старые знакомые. Но нас объединяет не только это... У него есть личные причины нас ненавидеть. Именно нас – меня и Соломона.

История, вкратце изложенная Самсоном, настолько произвела на парня впечатление, что он не придал последним словам байкера должного значения, пропустив их мимо ушей.

– Тот распятый паладин... Иисус?.. То есть Иисус – это паладин света?.. Сын Господа?.. Тоже светлый воин-паладин?.. Хранитель материи?..

– Не знаю, про какого Господа ты там говоришь, пацан... Был Иисус его сыном или нет... Но я знаю светлого паладина по имени Есус. Его распяли несколько бесов на холме Голгофа. Это в Иерусалиме. Среди этих мразей был и Ишкариот. Бедняге никто тогда не помог... И я тоже... Ааааа... Так всё неудачно совпало... Ммм... Не хочу вспоминать... Но душу его эти выродки так и не получили.

– ...Потому что она воскресла! Немыслимо!!! Кого ещё из древних паладинов ты знаешь?

– Воскресла? Хммм... Пусть так... Хммм... Кого я ещё знаю? Ну, всех персонально знать невозможно... Некоторых я встречал, о некоторых только слышал, кого-то уже давно нет... Я имею в виду не физическое тело из плоти, я про их души. Бесы иногда оказываются сильнее нас, знаешь ли. Тогда душа обращается в «ничто»... Перестаёт существовать, превращаясь сначала в тлен, а потом в пустоту. Ты думал о смерти, пацан? Вряд ли. А о смерти своей души? Тем более. Что значит пустота?.. Полное забвение... Что такое «ничего»?

Самсон застыл, как статуя, проникаясь смыслом своих же слов. Он попытался представить себе всё, о чём говорил. Его глаза стали стеклянными, наполненными безысходностью. Вдруг байкера передёрнуло.

– Бррррр!!! Жуть... Так о чём это я?..

– ...Древние паладины света...

– Ааааа... Что ж, пацан. Такие имена, как Маххамет, Гришна, Бутта Гаутана, тебе о чём-нибудь говорят?

– Конечно!!! Спрашиваешь?! Правда, звучат они немного странно... Не так, как принято... Малость по-другому... Но мне знакомы эти имена... Так что?! Они тоже?!

– Ну, так, ёпт! Это одни из самых сильных паладинов света. Величайшие воины-паллигрымы. Вот, уж, если кого называть скитальцами времён, так это их. Настоящие хранители материи. Ха-ха-ха!!! Не то, что ты, пацан! Ишкария им ровня, поверь мне... Понял?

– Мммммдааа... А ещё... Кто ещё?.. Кого ещё знаешь из великих паладинов?..

Парень не унимался. Он не мог поверить, что Самсон рассказывал это всерьёз. Но сейчас байкер говорил кроме шуток. Однако ему показалось забавным то, что для Акселя такая информация является открытием всей жизни. Сам факт такого удивления и соответствующих реакций производил на Самсона положительный эффект, от которого он получал тонкое и изысканное удовольствие.

– Ты, это... Пацан... Успокойся. А то как-то неловко даже. Ведёшь себя, ей Богу, как пацан перед рождественской ёлкой. Ты чё?..

– Да, ладно тебе, Самсон... Не томи... Кто ещё?

– Ну, Каин и Авель, например.

У парня глаза округлились настолько, что Самсон испугался, будто они сейчас вот-вот вылезут наружу. Лицо Акселя вытянулось, а рот открылся от удивления.

– И они?! Дети Адама и Евы?! Дети первых в мире людей?! Постой-постой... Они вообще реальны?!.. То есть... То есть ты хочешь сказать... То есть ты говоришь, что это были живые люди?

– Ааааа-ха-ха-ха-ха!!! Ха-ха-ха!!! Кха-кхах-хакхх! Хммм! Пацан, откуда ты это всё взял? Не из библии ли случайно? Вот рассмешил-то дядю Самсона! Ахаха-ха-ха!!! Я не знаю, чьими там они были сыновьями, но точно не первых в мире людей. А-ха-ха-ха!!! Ну, пацан, ты даёшь!!!

– Хватит надо мной ржать! Самсон!

– Ааааа-ха-ха!.. Первых в мире людей... Хах-ха-ха-хахх!

– Самсон! Прекрати!

– Ладно-ладно... Всё... Конечно, они не вчера родились. Эти братья были очень древними людьми. Но не настолько, чтобы быть детьми первых в мире людей. Что за бред вообще – первые в мире люди?! Ага, два человека раз и наплодили земной шарик себе подобными. Ты ещё скажи про то, что эта... Как ты там сказал... Ева... Из ребра Адама сделана и животный инстинкт тут ни при чём, одна только непорочная чистота и священная, блин, святость.

– А почему нет?

– Тогда какого хрена у неё пупок нарисован на всех картинах? Нестыковочка... Наверное, пуповину от куска своего ребра Адам отрезал... Аха-ха-ха-ха!!! Первые в мире люди... Ну, пацан! И ведь верит народ во всю эту...

– Прекращай...

– Лады-лады. Короче, про Адама и Еву ничего сказать не могу, потому что не знаю про них ни фиги. А про Каина и Авеля кое-что слышал.

– Ты их видел? Знал их?

– Ты что?! Нет, конечно. Они древние парняги... Древнее меня и Соломона раз в пять или больше... А я что, так плохо выгляжу? Морщины меня выдают? Крем походу не помогает, а в рекламе обещали, что эффект виден уже через три дня... Ха-ха!.. Говорю же, слышал кое-что... Лично с ними не был знаком.

– Они тоже были паладинами?

– Мммм, не совсем так...

Самсон вдруг понял, что чересчур расслабился и потерял концентрацию. Он болтнул лишнего и теперь не знал, как выкручиваться.

– ...Один из них был паладином, а другой бесом.

– Понятно... Надо же! Как неожиданно! Вот это да! Я до этого момента считал этих персонажей полувывмышленными, полумистическими, священными... Какими угодно, но не реальными. Они для меня были, словно символы веры... А тут такое... Так кто же они по своей природе? Духовное воплощение в плоти или явление высшего, как нисхождения целостной формы духовного в более низший мир материй.

– Чтооо, блин? Пацан, ты этого у Соломона набрался что ли? Сам-то понял, что сказанул? Давай, завязывай. Двух таких умников я, точно, не перенесу.

– В них было что-то особенное?

– Чудес не бывает, я тебе уже говорил это. Воплощение или нисхождение... Что за хренотень?! Человек сам по себе что такое?! Не чудо?! Разве человек не воплощение духовного в плоти?! Разве на человека не снизошёл дар обладания разумом и сознанием? Это ли не чудо, братья и сестры?! Аллилуйя!!! Хватит мне втирать про простых и особенных людей, пацан. Хватит трепаться про магические воплощения и чудесные нисхождения. Если человек изначально считает себя дерьмом, то он дерьмо и есть. А если он верит в свою исключительность, то ему все дороги открыты, тогда он может всё. И я считаю, что второй вариант должен быть нормой! Человек... Материя... Разум... Душа... Воля... Мудрость... Сила... Всё. Баста, пацан!!!

– Ладно тебе... Не расходись... Ты пойми, мне сложно взять и перестроить свои мозги за несколько дней. Когда тебе отовсюду втирают что-то с самого детства, тяжело взять и забыть всё разом. Моя голова наполнена информацией... Навязанной информацией... Информацией, навязанной системой... Этой сраной системой... Я это прекрасно понимаю.

– Хорошо, что понимаешь... Вообще, пацан, избегай глупости. Это – мой тебе совет. Всегда думай. Сейчас у людей отнимают средства к существованию, делая из них по сути рабов. Потом организовывают их в группы, придумывают этой группе мнимого врага, придумывают мнимого героя. Дают ложную свободу. Пусть народные массы забавляются. Кха-ха! Мда, не смешно как-то. Затем у этой группы отбирается вообще всё, даже выбор, выбор делается за них, или даются ограниченные варианты выбора. Такую общность можно прекрасно контролировать, подкинув кость из смеси религии, моды, пошлых принципов жизни. Потом начинается окончательная подмена истин и ценностей. И вот теперь у них можно отнять самое главное – волю. Ведь это уже не общество людей, а потребительская масса. Цикл завершён. Теперь подобные потребительские массы будут обманывать и всячески использовать, не считаясь с ними, как с полноценными людьми. А они ещё останутся благодарны и будут рукоплескать, скандируя патриотичные или проповеднические лозунги. За их счёт будут жить умные и хитрые, но бесчестные и бесчеловечные подонки, а эти наивные дураки на грани смерти

и на дне жизни будут верить в священный долг и святую благодать, которая... Как ты там сказал? ... Нисходит иногда или воплощается в нечто чудесное. Как думаешь, истинно то, во что они будут верить? Их вера ущербна и навязана им их же хозяевами. Эта вера слаба и притворна, она ненастоящая, потому что эта вера слабых людей. Это вера рабов системы. Вера обманутых и ограниченных. Ты готов умереть за такую веру? Разве глупость – есть истинное добро? Ты готов сражаться во имя глупости? Вооот... Поэтому старайся найти то, что важно именно для тебя, откинь весь лишний мусор, прислушайся к своей душе, научись чувствовать. Но никогда не забывай при этом думать головой. Осознай то, что тебе, действительно, дорого. Обдумай всё, проанализируй себя и окружающий тебя мир тоже... И только потом прими истинную веру. Веру сильного и умного человека.

– Это может звучать глупо, но я тоже всегда так считал. Только не мог выразить чётко. Догадывался... Как будто интуиция мне подсказывала. Теперь же я понимаю более ясно.

– Эээт, хорошо...

– Я согласен с тобой. Глупыми людьми легко управлять, внушив им лживую веру или дав им ложную правду. Да, конечно, всегда нужно здраво и логично думать над окружающим тебя миром. Ум позволяет отсеять всё лишнее и применить свои искренние, откровенные, лучшие чувства к тому, что, действительно, важно и правильно. Но я бы кое-что добавил к этому.

– Дааа? И что же?

– Мне кажется, не менее важно, чтобы прежде, чем что-то сделать или обдумать, необходимо прочувствовать и осознать доброту намерений. Именно прочувствовать.

– Это тебе Соломон сказал?

– Нет, я сам... Это моё мнение... Личное.

– Личное... Нет, я двух таких мыслителей не перенесу. Один – куда не шло. Но два – это явно перебор. Увольте меня. Да шучу я, пацан! Шучу! Не надувай губу. Слышишь? А впрочем, ты прав, конечно. Духовность – основа наших дел. Духовность и здравый смысл. Чувства тоже важны... Наверное...

– Неужели...

– Ага... Обязательно нужно расти духовно...

Самсон судорожно начал перебирать в голове слова, желательно поумнее и повесомее, чтобы подыграть Акселю, показав ему, что он говорит серьёзно о серьёзных вещах. Но, как назло, ничего мудрого в голову не лезло. Тогда он бросил эту затею, оставшись верным своему стилю.

– Обязательно нужно расти духовно... Иначе – кранты нам всем.

Акселя вполне устроил такой короткий, но ёмкий и доступный для понимания ответ. Он благодушно улыбнулся Самсону.

– Так значит, ты не сторонник религии... И в Бога ты не веришь...

– Ты думаешь, что мы тут всем эти занимаемся во имя Господа? Я похож на ангела? Или архангела? То есть ты реально веришь, что «там», на небе... Эээмммм... Или где-то в космосе... Или в грёбаном параллельном мире сидит всемогущий умнейший седовласый мудрец, который смотрит на твои благие дела, подкидывает испытания, помогает тебе, решает что-то в твоей судьбе, а потом как-то определяет куда направить твою грешную душу после смерти, исходя из того, много ли ты сделал добра при жизни, неся его имя на своих устах?

– Ну, что-то типа того, я верю, что он каким-то образом следит за нами и участвует в судьбе каждого человека.

– Короче, ты будешь сражаться с бесами и полубесами во имя Бога и во время победы скандировать: «Господь, этот нокаут я посвящаю тебе!»?

– Не утрируй... Но если отбросить твой сарказм, то да.

– А что, если он в это время смотрит матч «Манчестер Юнайтед» – «Барселона», а не твой поединок с очередным бесом?

- Я не знаю... Мне сейчас нечего тебе ответить...
- В любом случае, если Бог и существует в едином лице, то, как мне кажется, он очень жесток...
- Сложно сказать...
- Так и есть. А как ты вообще представляешь себе устройство этого мира? Нет, мне интересно...
- Я могу тебе повторить то, что сказал несколько секунд назад. В целом, у меня нет однозначного ответа. Но мне очень интересно послушать твою версию.
- Версию? Ахах-ха! Ну-ну, пацан. А ты никогда не задумывался, что такое есть наша жизнь? Зачем всё это? Реально ли всё вокруг? Нет?
- Задумывался, конечно...
- И что?
- Ничего... Если об этом много думать с ума можно сойти, а правды всё равно не найдёшь. Нет ответа. Одно могу сказать. Пока я чувствую – я живу. Ну, что-то вроде этого...
- А сейчас? Сейчас ты тоже чувствуешь, но тело твоё спит в кровати, а сознание здесь. Но ты тоже чувствуешь. Забавно, да?
- Мда, уж... Обхохочешься прям.
- Тебе не приходило в голову, пацан, что ты всё время спишь, даже когда бодрствуешь?
- Не понял...
- Что твоё жизнь... Вся твоё жизнь в целом – это всего лишь сон. Один большой сон. Твоё сон. Может быть, ты сейчас в коме, и тебе всё это мерещится в виде каких-нибудь галлюцинаций на подсознании.
- Что за бред?
- Ээээ, несёт, пацан. Не бреед... Или, например, ты просто заснул когда-то и видишь сон во сне, проживая несколько жизней, пока эти сны не закончатся один за другим, и ты не проснёшься окончательно.
- Да прекра...
- Постой-постой... Насчёт бреда. Приколись. А что, если это не сон, а реально бред... Бред сумасшедшего в твоей голове. А мы с тобой – альтернативные личности или просто образы воспалённой фантазии. А? Как тебе такая перспективка, пацан? Круто? Убеди меня, что это не так? Убеди, что наши жизни самобытны. Ставлю на кон свой байк, что ты не сможешь. Ты не докажешь мне, что наша жизнь отличается чем-то от очень реального сна.
- Ну, не знаю, Самсон. Это ты лихо загнул!
- А хочешь, ещё круче загну? Может, это вообще не твой сон... И не твой бред... Не в твоей голове...
- Ты о чём?
- О том, что есть вариант, при котором мы – плод чьей-то фантазии, или сна, или чего там ещё, фиг знает. И это не ты проживаешь несколько снов по очереди, а ты и я – всего лишь участники чужого сна, чужого сознания. Тогда получается, что нас просто нет. А есть нечто более великое...
- Ты про Бога?! Ты хочешь сказать, что мы – часть одного разума?.. Его фантазия, галлюцинация?..
- А почему нет? Это многое бы объясняло. Верно?
- ...
- Я думаю, что если кто-то и имеет узкие и скупые понятия о реальности, то это точно не ты... Взять хотя бы нас сейчас. Мы реальны или нет? А расскажи кому-нибудь на работе, что любовался рассветом в секвойном лесу вне своего тела... Сразу окажешься в психушке. Такое же не реально... Как бы... Зато психушка окажется вполне себе реальной для тебя.
- Уууффф... Самсон...

Аксель не мог подобрать слова, которые правильно бы описали его состояние. Растерянность и замешательство плохо характеризовали то, что он сейчас ощущал. Да, он пребывал в недоумении, отрицать этого нельзя. Но кроме недоумения, он испытывал сейчас ещё и озадаченность, потому что находил в словах Самсона логику, которой тут не было на первый взгляд, но которая возникала, если позволить разуму проявить фантазию и выйти за рамки здравого смысла. Хотя какой, уж, тут здравый смысл. Сейчас он сидит здесь в виде образа своего сознания с Самсоном, а точнее, с такой же астральной проекцией байкера, как и он сам, в, возможно, нескольких десятках тысяч километров от своего физического тела и беседует об устройстве мира, при этом оба считают себя воинами-пилигримами, способными выходить на иные уровни физического состояния через самопознание и саморазвитие, применяя интегральную саморегуляцию тела, души и разума. Здравый смысл? Тут ещё кто-то говорит о здравом смысле?

– Эх, пацан! Не грузись! А то так, точно, с ума сойдёшь. Кто тогда с нами будет бесов щемить? А?!

Сильная, тяжёлая рука Самсона легла на спину Акселя и крепко потрепала его, несколько раз похлопав по лопатке ладонью.

– Да забей ты! Всё нормально. Не грузись! Слышишь?! Не грузись!

Придя в себя, Аксель ещё немного подумал над сказанными Самсоном словами, потом собрался и разом выкинул всё из головы, оставив этот разговор в прошлом, к которому был намерен вернуться позже и подумать, но уже в одиночестве. Парень посмотрел на добродушного байкера и улыбнулся ему в ответ.

– Полегче, а то, ты меня сломаешь своей ладонью пополам.

– Надо же, какие мы нежные стали...

Достав из кармана пачку сигарет, Самсон начал искать зажигалку, потому что опять забыл, куда её сунул. Только он вставил сигарету в рот и поднёс к ней огонь, как его остановил голос Акселя.

– Давай не сейчас. Ладно?

Вытянутое щетинистое лицо с круглыми от удивления глазами повернулось в сторону, откуда исходил звук голоса.

– Ты что, мне запрещаешь? Я не понял. А, пацан?

– Нет, просто прошу. Не хочу вдыхать тут сигаретный дым.

– Вы что, сука, сговорились с Соломоном!

– И не ругайся, пожалуйста. Лады?

– Да, вы что, бл... Да, вы... Вы... Да, вы, блин, охренели!!! Вы в конец охренели!!!

– Я прошу, Самсон. Не заводись... Я просто прошу.

– Не кури... Не ругайся... Что потом?..

– Не ворчи.

– Аааааххххх... Пацан...

Байкер вынул сигарету изо рта и сунул её обратно в пачку, убрав вместе с зажигалкой в карман.

– Ну, я вам ещё это припомню... Негодяи... Эгоисты... Ну... Аааах... Вот, блин... Уууфффф...

– Ладно, не ворчи уже... Лучше скажи мне честно... Я так и не услышал прямого ответа на мой вопрос.

– А какой был вопрос-то?

– Про устройство жизни... Или мира... Всё вместе. Твоя версия.

– Хм, ну что же... А теперь давай серьёзно. Я не могу объяснить всего. Я ведь такой же человек, как и ты, просто живу чуть подольше. Но то, что я успел накопить в своей башке за это

время, сейчас постараюсь тебе рассказать. Можешь воспринимать это, как хочешь, но это мой личный опыт, которым я с тобой делюсь.

Акселю не терпелось узнать что-то новое от байкера, что-то, что откроет ему следующий этап в развитии себя, как человека, так и в качестве хранителя. В любом случае, он приготовился получать информацию из первых уст, которая уже по определению не могла быть бесполезной или не интересной. Как он будет реагировать на неё, парень, конечно, решит сам, а сможет ли грамотно проанализировать и сделать правильные выводы, это покажет время, хотя какое там время, сама жизнь это покажет. Аксель замер и со всем своим вниманием начал слушать речь, которую приготовил для него Самсон.

– Пневма...

– Что?

– Заткнись, пацан, и не перебивай меня больше.

– Но...

– Просто з-ааа-т-к-н-иии-с-ь.

– Пневма... Пневма, жизненная сила – это всё одно и то же. Пневмой пропитано всё, потому что жизненная сила есть во всём. Даже в камне. Вселенная насыщена пневмой. Жизненная сила является одновременно и исключительной особенностью этого мира и его уникальной, но базовой, основной связующей. Именно благодаря жизненной силе ты чувствуешь свою связь с вселенной, с её помощью ты можешь общаться с окружающим тебя миром, познавая все его тайны, открывая в себе истинные способности. Всё во вселенной взаимосвязано и пропитано пневмой жизни.

На секунду Самсон задумался, перевёл дыхание и спокойно продолжил дальше, поддерживая ритм размеренной речи.

– Душа... Душа – одно из самых тонких проявлений жизни. Одно из самых тонких и одновременно самое основное. Там, где нет души, нет и самой жизни плоти. Душа питает физическое тело той самой жизненной силой. Но душа сама по себе тоже может жить, ведь она и есть сама жизнь. Плоть же без души существовать не может никогда. Лишь связь тела физического с телом духовным даёт в итоге жизнь организму. Душа самобытна, она способна жить бесконечно долго, циркулируя во множестве миров, претерпевая множество перерождений, проживая множество циклов. Душа может существовать вечно, обретая свою истинную силу жизни.

Байкер снова сделал паузу, предоставляя Акселю возможность проникнуться сказанным, чтобы не терять нить рассуждений, усваивая каждое высказывание.

– В душе заложены одновременно самые важные и самые принципиальные основы существования жизни. Поэтому душа сочетает в себе несколько составляющих. В самой душе, как и во всём, что есть во вселенной, присутствуют чистый дух – высокие проявления жизни и смрад души – низкие душевные силы. Это, как добро и зло. Всё в мире, подобно душе, делится на два полярных понятия. У всего, что есть во вселенной, есть своя противоположность. Мир состоит из этих противоположностей, и существовать он может только тогда, когда эти полюсы уравнивают друг друга. Иначе настанет хаос и пустота. Гармония – истинное состояние вселенной.

Самсон делал остановки в своём монологе ещё и с той целью, чтобы самому ничего не упустить. Он считал себя не таким хорошим знатоком в подобного рода разговорах, как его брат, Соломон, который, если тому дать волю, может рассуждать о таких вещах бесконечно, подбирая умные и витиеватые словосочетания. Байкер сейчас выжимал из себя всё, что только мог. Но надо отдать ему должное, получалось у него прекрасно.

– То, какой составляющей в душе больше, и определяет характер самой души, как целого, питающего организм жизненной силой. Через физическое тело осуществляется связь душ в мире материй. В самой душе всегда идёт процесс борьбы её составляющих: чистого духа

и духовного смрада. Эта борьба происходит на всех уровнях. Она вечна и объединена циклами, образуя бесконечную вселенную спиралей. Всё подчинено таким спиралям, спирали развития есть везде, они абсолютно во всём. Жизненные спирали существуют на всех уровнях: временные, пространственные, физические, астральные, психологические, духовные. Назови что угодно, загадай в голове образ, событие, явление, любой термин, любое слово, и оно будет подчинено спиралям. Оно будет участвовать, словно системная частица, в каком-нибудь спиральном процессе, и тут же оно будет включать в себе спиральную составляющую, представляя собой другую, свою, систему спиралей. Мир наполнен всевозможными спиралям развития, по которым определяется жизнь вселенной. Это циклы.

Самсон не смотрел на парня. Сейчас он проговаривал истины, в которые верил. Байкер выглядел так, словно сам себе, никого не стесняясь, утвердительно читал проповедь на рассвете нового дня. Он сосредоточился только лишь на том, что говорил, и ничто теперь его не отвлекало, потому что Самсон чувствовал внутри себя исключительно уверенность, передающуюся и парню тоже. Аксель, слушал, как замороженный.

– Даже душа подчинена спиральным жизненным циклам развития. Она постоянно преобразуется, и её всё время необходимо контролировать, развивать, воспитывать, тренировать, соблюдая её гармонию и власть чистого духа. Чистый дух являет собой сочетание воли, мудрости и... И безусловной любви. Да, безусловной абсолютной любви. Пока душа населяет плоть, физическое тело наполнено жизнью, когда гармония прекращается, тело материи отторгает тело души, и сознание уходит, совершая новый цикл перерождения в иных мирах вселенной. Но жизнь не прекращается, умирает лишь физическое тело, организм. Смерть. Смерть – это неизбежная фаза перемен. Смертью начинается новый жизненный цикл души. Смерть – есть жизнь. Смерти, как конца жизни, нет в принципе. Смерти вообще нет. Смерть – это лишь составляющая жизни, термин её этапа. Сущность смерти заключается в процессе перерождения плоти, материи. Смерть – лишь неизбежная часть цикла физических тел, но это ещё и начало нового цикла для тела сознания. Тем не менее, смерть – это составляющая зла, духовного смрада и отрицательной части устройства мироздания, которую необходимо стремиться преодолевать. Потому что истина не в смерти, а в постоянном развитии при мирной гармонии. Истина в жизни. Истина заключена в самой жизни. Жизнь – безусловное вселенское благо. Можно сказать, что жизнь – есть бесконечное накопление опыта и созидание, от которых зависит итог после фазы смерти. Всё это составляет непрерывный жизненный поток энергий и сочетаний различных тел: материи, души, разума. Если стараться развивать себя, стремиться подавлять составляющую зла и направлять составляющую добра к созиданию, то возможна стадия достижения благодати на всех уровнях взаимодействия тел. Находясь в гармонии души, тела и разума, человек может постоянно познавать себя и окружающий его мир. Саморазвитие и саморегуляция – путь к возобновлению внутренних жизненных сил, питающих тело. Свет – добро, тьма – зло. Пробудив в себе внутренний свет и силу жизни, возможно даже растянуть спираль собственного развития, бесконечно расширив виток цикла, оставшись на периоде жизни, не умирая вовсе. Научившись управлять собой, своими составляющими, и достигнув способности интегральной саморегуляции всех тел, человеку под силу управлять собой настолько, что для него изменяются привычные жизненные ритмы. Он выходит на иной уровень восприятия времени и пространства, ему становятся открыты неведомые способности и возможности, бывшие ранее трансцендентными. Привычное для него становится примитивным, а невообразимое и сверхъестественное делается нормальным, обыкновением и естественным. Это трансформация. Это новая мощь. Это вселенское откровение в человеке. Удивительно, но, естественным образом черпая внутри себя бесконечный поток жизненной энергии, любой человек может родиться заново, любой человек может стать обновлённым, возрождённым в гармонии духа, тела и разума, с безграничной жизненной силой. Если ты зациклен только лишь на материи, на физических способностях, то ты заранее проиг-

рал, ибо ты заранее ограничен. Но если ты обретаешь новые формы умственной и духовной силы, то ты обретаешь и новые возможности за пределами трансцендентности. Всё тесно взаимосвязано. Главное, чтобы в этом процессе ты направлял свою энергию в сторону чистого духа, а не духовного смрада. Тогда развитие будет безграничным и постоянным. Обратное же приведёт к концу, к хаосу, к пустоте и к тьме.

Самсон снова замолчал. Создалось впечатление, что он закончил свой монолог. Но Акселью всё равно пока нечего было сказать, так как он пребывал под впечатлением от мощной тирады байкера. Как вдруг Самсон повернулся к парню и обратился уже именно к нему.

– Скоро ты поймёшь одну простую вещь, пацан. Важно не только то, что ты делаешь. Гораздо важнее то, как ты это делаешь и что при этом чувствуешь. Это касается всех сфер жизни. Потому что самое главное в процессе какого-либо дела – не то, что получается в конце, хотя это тоже очень важно, но то, кем мы становимся в процессе. Понимаешь, о чём я? А, пацан?

– Кажется, да.

– Кажется... Нужно, чтобы не казалось... Нужно верить и знать... В любом случае, в один миг обрести себя, достигнув просветления, не получится. Себя необходимо создавать, постоянно развиваться и созидать... Развиваться и созидать, обретая жизненную силу. Нельзя останавливаться на этом пути. Предела нет.

Аксель вдруг вспомнил, что Самсон немного запнулся в тот момент, когда заговорил про составляющие чистого духа, а именно, когда называл третью из них – любовь, абсолютную и безусловную любовь.

– А что для тебя любовь?

Байкер не ожидал такого прямого вопроса, что называется «в лоб». Он оказался к нему не готов. Самсон всегда не был готов к таким темам и всячески их избегал, потому что не любил подобного рода вопросы, вернее, ответы на них. Аксель догадывался, что байкер – не тот человек, который раскрывает свою душу по щелчку пальцев. Может быть, в такие моменты брали верх скрытые комплексы, а может быть, жёсткий и brutальный характер не позволял затрагивать эти темы. Кто знает? Вот и сейчас Самсон испытывал неловкость при ответе на простой, казалось бы, вопрос.

– Что?

– Любовь. Ты говорил про любовь. Как её понять? Что она означает для тебя лично?

– Любовь?... Любовь... Хммм... Ну, ладно, пацан. Любовь – это трепет ко всему хорошему, что тебя окружает. Когда есть желание отдавать себя чему-либо без остатка. Но для этого, прежде всего, нужно полюбить себя, полюбить всё хорошее, что есть в себе самом... И стараться не быть говном. Начать с себя, короче. Понимаешь, о чём я? Полюбить себя, избавив мир от своего говна.

– Как-то ты ловко увязал в одно слова «любовь» и «говно». Странно.

– Я плохо выражаю свои мысли, есть такой косяк. Но суть одна. Тем более, что ты меня не правильно услышал или не до конца понял. Лучше увязывай слова «любовь» и «всё хорошее». Тогда будет правильнее.

– Ммм...

– Иногда в жизни творится полное дерьмо. Это, как плохой сон, как кошмар. Когда хочешь проснуться и открыть глаза, но не можешь. Стараешься изо всех сил, но не можешь. А потом с ужасом осознаёшь, что это вовсе уже не сон, и глаза твои открыты, шире некуда. Тогда понимаешь, что это дерьмо и есть твоя грёбаная жизнь. Вот когда на помощь приходит любовь, жить становится нормально. Не скажу, что приятно... Ха-ха-хах!.. Но нормально.

– Жизнеутверждающая философия...

– Зато честно и по делу. Это моя персональная философия... Знаешь... Мне насрать...

– Ну, то, что тебе насрать, я уже понял по количеству сортирных слов. А как пробудить эту самую спасительную любовь в себе, когда хреново?

– Ээээммм... Это... Нужно делать добрые дела... Типа, руку подавать дамам в транспорте, инвалидам помогать... Проявлять заботу и внимание... быть вежливым и отзывчивым... Что там ещё?.. Короче, всякое такое.

– Очень доходчиво... С примерами даже...

– Отвали, пацан. Достал уже со своими подколами. Чё пристал-то? Просто подумай, если бы каждый из людей одновременно начал делать только добрые дела и сделал бы что-то хорошее для другого, представь, в каком бы мире мы жили. Что было бы, если бы каждый сказал: «Я осознаю себя человеком, я принимаю себя человеком, я люблю и уважаю себя, как человека. И поэтому я принимаю, люблю и уважаю такого же, как и я любого другого человека, помимо меня».

– Утопия.

– Чего?.. Что?..

– Ты идеализируешь.

– Ааа, ну, тебя... Я тут с ним о высоком.

– Извини.

– Да, мне нас...

– ...Тебе насрать... Знаю-знаю. Всё-таки, вы с Соломоном очень разные. Абсолютно не похожи.

– Он простак. Наивный, как ребёнок. Святоша. Тем не менее, у него очень острый ум. Соображает мой брат куда лучше нас с тобой вместе взятых. Уж, поверь. Просто его доброжелательность и искренность составляют большую часть натуры. Он мудр и любит все проявления жизни, совсем забывая про себя. Он глубже... Эммм... Правдивее. Правда всегда проста и откровенна... Понимаешь? Он – не то, что я.

– А что ты?

– Я? Во мне нет такой детской непосредственности. Может, это защитная реакция, но, порой мне кажется, я в принципе не способен на любовь.

– Почему?

– Потому что я жесток... Жестокий человек. Нет, правда. Во мне есть сила, воля, возможно, немного разума, может быть, если поискать, найдутся и крупинки мудрости. Но вот любви во мне нет вообще... Любви, точно, нет. Это плохо, я знаю. Но от этого понимания она не появляется в моей душе. Я восхищаюсь Соломоном. Он – блаженный. Я бы так никогда не смог жить... И не смогу. Потому что знаю про себя правду. Тут и думать особо не нужно. Я жёсткий тип. Нет во мне жалости. Нет и любви. Кончилась... Одна жестокость осталась.

– Такое ощущение, что ты в чём-то разочаровался... Причём довольно давно...

Байкер промолчал в ответ, по всей видимости, не желая говорить на эту тему. Тогда парень продолжил.

– ...Потому что мне кажется, всё не так, как ты описал.

– Кхах! Правда?! Неужели?! А как же?

– Ты – не самый плохой человек на свете.

– Ну, не знаю. Может быть, ты в чём-то и прав, пацан. Но...

– И любовь у тебя в душе тоже есть. Своеобразная... Очень своеобразная. Пугающе своеобразная. Но вот такая вот любовь. Уж, какая есть.

– Вот пристал ты ко мне, пацан!!! Достал меня в конец!!! Хочешь правду?! Ту, которая меня сейчас наполняет.

– Конечно.

Самсон сделал передышку. Парень почувствовал, что задел байкера за живое, как будто оторвал корку от заживающей раны и присыпали её солью. Только рана эта была вовсе

не на плоти, не на физическом теле, а где-то внутри Самсона, на теле души. Байкер зажмурил глаза, вспомнив обещание, которое давал своему брату, Соломону, но всё же не смог сдержаться. Началось извержение большого сознания, израненного вековыми сражениями со злом, искалеченного тем, что видел могучий воин-пилигрим за время пребывания в плоти хранителя материи. Этот нарыв психологических терзаний назревал очень долго и давно уже был готов прорваться. И случилось это именно сейчас.

Самсон нервно достал пачку сигарет, замер на время, покрутил её в руках и снова убрал в карман.

– Отлично... Хорошо, пацан... Я скажу тебе. Сука, я всё тебе скажу. Хоть и обещал кое-кому не затрагивать эти темы с тобой. Ааа, похрену! Так вот... Я насмотрелся в жизни на дерьмо, уж, поверь, я хапанул его сполна. Знаешь, жизнь, по сути, и есть дерьмо. Я это понял недавно. Вдруг прозрел. Нас окунают в это дерьмо с самого рождения, а потом кто-то, уж, не знаю кто, смотрит на нас свысока, наблюдая периодически, как мы будем в этом дерьме барахтаться. Прикинь! Слушай дальше...

Рука опять потянулась к карману и рефлекторно достала пачку. Байкер нервничал и заводился всё больше и больше. Не отдавая себе отчёта, он снова убрал сигареты в карман.

– Разочаровался ли я? Ооо, да! Если честно, то я немного разочаровался в этой грёбанной жизни... В мироздании вселенной, чтоб её разорвало на куски. Тут всё прогнило. Причём ты прав, довольно давно. Давным-давно... Здесь всё паршиво, можешь мне поверить на слово. Потерянный и забытый захолустный край – эта вселенная! А наш мир, и подавно, – полное говнище!!! И чем дальше, тем хуже и хуже, пацан. Я всё меньше нахожу причин, по которым всё ещё могу называть себя хранителем материй, воином света, паладином духа. Что хранить?! Если это теперь никому не нужно, как я погляжу, если мы не ценим ничего и сами уничтожаем всё святое, своими же руками. Кого хранить?! Тех, кто забыл об основах, о самом важном в жизни? Где ты видел свет души?! Где ты видел проявление истинных сияний добра?! Что уж говорить о душах, если в них нет даже духовности. Да какой, на хрен, духовности, нет морали, нравственности нет! Да, сука, мне иногда кажется, что самих душ нет! Не души, а одноразовые пластиковые стаканы. Вопрос только в том, чей стакан экологичнее, дороже и не используется ли он после кого-то повторно? Заливай туда что хочешь: хоть понос, хоть блевоту. Стадо вонючее!!! И знаешь, кто лучше всего выживает в этом дерьме? Выживает, а не живёт. Знаешь, пацан?! Тот, кто сам по большей части состоит из говна, он просто всплывает повыше в этих помоях и диктует всем свои говнистые права и наставления, наделяя остальных говнистыми обязанностями. Мне не хочется быть хранителем такого мира, мне стыдно за него... Но ещё больше стыдно за себя. Потому что я часть этой мерзости, потому что я такой же... Такое же говно, как и все вокруг.

– ...

– Ну, что замолчал?! Или правду услышал?! Сказать нечего, а?! А вот я пока ещё не закончил!!! У меня, сука, накопело прилично! Я давно уже перестал делить людей по роду их работы, не важно, чем они там занимаются. Чем, скажи мне, отличается шлюха от высококвалифицированного менеджера. Ничем! Оба торгуют собой, только по-разному. Одна – проститутка, зарабатывает телом, второй – корпоративная хитрая шлюха. Не известно, кто ещё честнее из них. Все ищут выгоду. Главное – чтобы жопа в тепле была, а лучше, чтобы ещё у остальных была в холоде. Хотя нет, наоборот, сначала превосходство, потом всё остальное, чтобы не всем хорошо, а другим похуже. Не недостаток, а избыток! Жажда наживы и обмана! Нажива любым способом! Даже там, где кажется, что всё хорошо, не так уж всё и прекрасно. Стоит только чуть-чуть ковырнуть эту глазированную скорлупку, и оказывается, что любящий отец, у которого в семье порядок и процветание – жестокий тиран и самодур, занимающийся психологическим насилием над людьми. Благоверные жёны, у которых двое или трое детей, с милым видом ищут разнообразия в похоти на стороне просто потому, что им стало

скучно, а нескончаемые деньги мужа уже как-то не забавляют, или муж – алкаш. Люди пируют во время чумы, проводят масштабные праздники и шоу, приносящие колоссальные доходы в карманы жирным дядям. А где-то маленькие дети умираю без еды и воды, болеют от антисанитарии, рождаются брошенными инвалидами, невинно страдают за чужие грехи. Наркомания, алкоголизм, разврат, похоть, лицемерие, притворство, обман, лень, безволие. Я могу вечно продолжать этот сволочный список... Мы потеряны и забыты во вселенной, предоставлены сами себе. Но, думая, что мы тут все самые умные, мы загоняем себя туда, откуда никогда не выберемся, там и подохнем все вместе. Забавно, правда? Много, очень много умников сгниет, так и не поняв ничего в этой жизни. Даже не поняв, что они были предоставлены сами себе и не оправдали сами себя. Вымрем, как динозавры. Только вот у тех не было таких возможностей, как у нас... Ни разума, ни сознания. Хотя, я всё больше склоняюсь, что наш разум и сознание тоже некий обман, иллюзия, которой нас наградили непонятно за что. Или, может, нас наделили этим специально, чтобы приколоться над нами. Шутка, знаешь ли, такая вселенская. Короче жопа... Полная, сука, жопа. Вот так. Нормально? Есть ещё вопросы? А, пацан?!

Состояние Акселя стало такое, словно ему только что дали кувалдой по голове. Он растерялся. Только что Самсон говорил о душе, о любви... И на тебе! Оказывается, его терзает совсем иное, противоположное чувство. Но парень до конца не верил словам байкера. Напротив, он слишком сильно верил в самого Самсона, в его истинное воплощение паладина света. Парень изначально подозревал, что внутри байкера творится нечто подобное, но сейчас он совершенно не знал, что говорить и как реагировать. С глаз Акселя спали очередные «розовые очки», и сразу зародился вполне естественный протест, словно реакция на сказанное, подобно третьему закону Ньютона.

– Всё равно... Я тебе не верю, Самсон! Не верю, и всё тут! Неужели, в тебе нет хотя бы надежды?! Тогда зачем ты вообще со мной возишься?.. Сдалась тебе вся эта муть, которую вы оба мне втираете день ото дня на пару...

– А не пошёл бы ты, пацан, куда подальше... На хрен, например... Ишь, глубоко как копает... Философ, мать твою...

– А что так грубо-то? Ответить нормально не можешь?

– Да я сам пока не знаю, что тут с тобой вожусь...

– На меня не срывайся тогда, на себя срывайся. Раз в башке не всё в порядке, разберись сначала с ней, потом с людьми общайся адекватно. Как ты вообще по утрам просыпаешься с таким настроением?! Нигилист – пессимист.

– Что? Ты, блин, это... Ты с Соломона, давай-ка, пример не бери, нормально выражайся, по-человечески. Чтоб понятно всем было.

– Ну, хорошо. Раз так, тогда, вот, расскажи всё, что мне тут втирал, матери, поющей по ночам колыбельную малютке, которая ещё не понимает ничего, а та всё равно поёт. Зачем, а? Давай, скажи-ка теперь ты мне. Или расскажи всё это отцу, работающему на двух работах, чтобы прокормить троих детей. Он приходит домой ночью и видит их уже спящими, а утром ещё спящими. Они просыпаются, но не успевают его застать, потому что он уже уехал. И они рисуют ему картинки, на которых все вместе, впятером, с мамой и папой. А иногда по утрам его всё же провожает самый младший ребёнок, но знают об этом только отец и маленький малыш. Это их тайна. Ну? Что замолчал-то? Кто тут торгует собой, а? Кто здесь шлюха?

– Вот откуда это у вас обоих? Соломон хоть молчит по большей части... Думает там себе что-то мудрое... Думает... И молчит. А этот... Говорливый, блин, попался. Ну, пацан... Всё! Хватит! Давай потом пообщаемся на эту тему. Отложим пока.

– Как скажешь, Самсон.

– Вон, посмотри лучше. Как красиво! Ёпрст...

Отвернув лицо в сторону, Аксель втихаря улыбнулся мягкой доброй улыбкой. Он понял, что нащупал только что брешь в непробиваемой обороне буйного нрава и сложного характера байкера. Парень нашёл нужные слова, и они попали точно в цель.

День набрал полную силу, и лес ярко сиял лучами, расходящимися от белого большого круга. Солнце обволакивало своим светом всё, что было в лесу, не оставляя ни теней, ни утренней сырости. Оно наполняло всё жизнью и ободряющим чувством радости, таким естественным, спокойным и умиротворённым. Оставалось только расслабиться и насладиться дивным зрелищем звонкого леса, залитого отблесками света от журчащей воды.

Проницательный Соломон оказался прав. Общение друг с другом пошло на пользу, как для Акселя, так и для Самсона.

19

Прохаживаясь вокруг белоснежного спортивного мотоцикла, отражающего от своего корпуса все вечерние огни техногенного мегаполиса, Самсон не мог скрыть своих эмоций, бурно проявляющихся на его лице. В нём перемешалось несколько чувств, создав внутри него ядрёный терпко-кисло-сладко-горечно-жгуче-мягко-пресный коктейль пересолённый и переперчённый одновременно. Увидев перед собой Акселя на спортбайке, Самсон откровенно обрадовался, потому что этот пацан приехал сюда не на метро, а на своём двухколёсном свирепом звере белого окраса с взрывным, вспылчивым и дерзким нравом. Но с другой стороны – горю байкера не было предела, ведь этот мотоцикл был именно спортивным, а в двух шагах стоял припаркованный байк Самсона, кстати, конечно же, под запрещающим остановку знаком. У бордюра томился чоппер, впитавший в себя все краски ночи, все самые тёмные её оттенки. Даже детали, которые по всем классическим законам должны быть хромированного стального серо-белого цвета, представляли эталоном чёрного. Угрюмый и мрачный зверь Самсона величественно и спокойно ожидал своего хозяина, грозно и снисходительно оглядывая белого энергичного, нервозного вечно рычащего наглеца и задиру. Мощный и могучий чёрный чоппер был уверен в своих силах и, точно, не собирался ничего доказывать ярко-белому выскочке, играющему перед ним своими молодыми мускулами, полными сил и энергии.

Байкер оказался и приятно удивлён, и досадно разочарован выбором Акселя. Слишком разная философия таилась за этими мотоциклами. Уж, лучше бы вообще не на мотоцикле, уж, лучше бы пацан пришёл пешком, добравшись сюда на метро.

Аксель прочитал на лице у Самсона лишь то, что хотел увидеть, не заметив всей гаммы психологической палитры байкера, так явно бросавшейся в глаза. Самсон совершенно не умел скрывать то, что творилось у него внутри, вернее, абсолютно не утруждал себя заботами соблюдения культурных и этических норм. Он не привык сдерживать свои эмоции, и они сразу захлёстывали его, поэтому можно было с точностью определить, что тот чувствует или о чём думает. Парень искренне хотел порадовать Самсона, удивив того, преподнеся радостный сюрприз. И Самсон, действительно, удивился. Аксель знал, что приезд на мотоцикле вызовет у байкера реакцию, но не догадывался, что она окажется несколько противоречивой и двойственной.

Бодрящийся нервный белый зверь не умолкал, периодически издавая громкий, резкий рык своего разгорячённого мотора. Ему не терпелось продемонстрировать всё, на что он способен на трассе, показав себя в деле перед этим чёрным несокрушимым, стальным мутантом.

– Что? Нравится, Самсон?! Ааа?!!!

– ...

– Послушай, как звучит! Ну?! Как?! Ааа?!

– ...

Самсон молча прохаживался вокруг этого спортивного чуда техники и инженерной мысли. Байк был, однозначно, крутой. Большой, тяжёлый, надёжный. Звук работы двигателя, правда, весьма хорош. Чистый и очень сильный. В моторе явно не меньше восьмисот «кубиков». Заднее колесо широкое. Резина, обода, тормозные диски, цепь – всё в прекрасном состоянии. Пацан, явно, вкладывает в своего питомца душу. Оценивающе-придирчивый взгляд Самсона тайком метнулся на рулевую вилку, чтобы окончательно убедиться в качестве и технических характеристиках спортбайка. Деления спидометра, рассчитанные на очень приличную скорость, за пределами рискованную даже для профессионалов, довершили общее впечатление опытного байкера от этого прекрасного мотоцикла, состоящего из одних достоинств. Самсон был рад, несомненно. И всё же... Это было немного не то. Вернее, всё могло бы быть гораздо лучше, если бы это был brutальный, близкий по духу, грубый, неотёсанный, но уверенный

в себе и надёжный смутьян-отщепенец, а не агрессивный и стремительный хулиган-задира, который постоянно лезет на рожон впереди всех.

– Мдааа...

– Неплохо, правда?! Чувствуешь, Самсон?! Неплохо?!

Мотоцикл продолжал издавать неистовый рык, повинуясь своему молодому напарнику, сидевшему сверху.

– Неплохо, пацан... Совсем неплохо. Хороший аппарат...

– Я знал, что тебе понравится. Знал, что ты оценишь.

– ...Для подростка самое то. Во!

Самсон сжал кулак четырьмя пальцами, оставив большой палец вытянутым и подняв его вверх, показал Акселью одобрителный жест. Тот смутился, понурился. К такому ответу парень был не готов и даже немного расстроился.

– Ты опять подтвердил своё звание.

– Ты про что?

– Что ты ещё пацан совсем. Вот про что. Эээххх. И когда ты перестанешь передо мной бицепсами поигрывать?

– Ааай... Ну, тебя. Ты, как всегда... Лишь бы кого подколоть. Думаешь, что хочешь.

Но всё-таки парня задела слова Самсона, он сразу вспомнил пляж и тот момент, когда демонстрировал байкеру свои пигментные тату на руках. В чём-то Самсон был прав, и Аксель, конечно же, подсознательно это понимал.

– Куда мы едем?

– Туда, где нас будет ждать Соломон. В ночной клуб.

– Далеко отсюда? Где находится это место?

– Ага, так я тебе и сказал. У меня что, фамилия «Наивный»?

– А что такого?

– Поедешь со мной, я покажу дорогу. А то начнёшь ещё передо мной форсить, доказывая, какой ты крутой пацан. Мотор будешь терзать... Бицепсами станешь опять поигрывать... Аха-ха-ха!!!

– Ещё чего? И в мыслях не было. Было бы перед кем красоваться! Ты же не девушка, чтобы на тебя впечатление производить... Да и слишком много чести...

– Ооо, посмотрите-ка!!! Обиделся маленький! Я же о тебе забочусь, пацан. Как ты не поймёшь... Узнаешь, куда ехать... Поедешь быстро, ещё покалечишься или в мотоцикле своём что-нибудь испортишь... А так со взрослым дядей будешь... Под присмотром, так сказать.

– Да, пошёл ты, Самсон!!!

– Ладно, не гомони. Успокойся. Байк у тебя хороший. Что надо! Приличный аппарат, достойный.

– Так куда мы едем-то?

– Опять – двадцать пять! Сказал же, со мной поедешь. Всё!!! По коням, пацан.

Что тут ещё скажешь? Ничего. Аксель надел защитный шлем, обратив внимание на то, что у Самсона шлема не было ни в руках, ни на рулевой вилке, ни на сиденье мотоцикла. Его вообще нигде не было. «И кто тут из нас понтуется?», – подумал парень.

Дождавшись пока его товарищ заведёт своего матёрого чёрного хищного мутанта и тронется с места, Аксель пристроился немного позади от потревоженного и рассерженного чоппера. Суровый байк Самсона, явно, был насторожен и собран, о чём свидетельствовал мерный и постоянный грохот могучего двигателя, сердито предупреждающий этого молочно-белого выскочку держаться на безопасном расстоянии, но и не отставать.

Оба мотоцикла быстро уносили своих ездоков по вечерним улицам туда, где их должен встретить Соломон. Вечер уже уступал ночи, прогибаясь под её тяжестью, постепенно отдавая ей власть над городом. На урбанистическую местность, одетую в оболочку из стекла, металла,

бетона и пластика, постепенно опускалась тьма, окрашивая всё в одинаковые оттенки, стирая различия между всеми предметами, делая их тусклыми, мрачными и тревожными под своими мрачными тенями. Город ещё сопротивлялся, вонзая в надвигающуюся тьму тысячи лучей от ярких огней искусственного электрического света, но этого было катастрофически мало, чтобы побороть наступающую опасность загадочной, скрытной и злой ночи, нависшей над всем городом.

Самсон и Аксель стремительно рассекали прожекторами мрак дороги, пробиваясь сквозь не предвещающую ничего хорошего темноту, туда, где их ждал третий верный товарищ – Соломон. Втроём им не страшен сам чёрт! Аксель проникся общением с этими братьями. Они такие разные, но такие неразрывные, как две части одного целого. Они как составляющие одной души. Они даже стали частью души самого Акселя. А может, Самсон был прав? Может быть, они и есть грани его личности? А что, если это всё – один большой сон или иллюзия? Не важно! Сейчас – не важно! Или теперь – не важно! Аксель был настроен решительно. Ему было невероятно интересно, многое предстояло узнать, постичь, но его наполняла истинная и искренняя вера во что-то хорошее. Конечно, будет трудно, будет невыносимо тяжело. Возможно, нужно будет пройти через страшные препятствия. Но чем сложнее испытание, тем приятнее победа, тем сильнее становишься в процессе. Необходимо идти вперёд. Необходимо жить с надеждой. С надеждой в добро. Ведь чем гуще тьма, тем ярче огонёк, дарящий свет. Темнота, заполняя всё, гнетёт неизбежностью, но стоит лишь зажечься маленькому огоньку яркой надежды, и зло вокруг него сразу отступает. Может быть, это и есть та жизненная сила? Наверное, сейчас на теле парня выжигаются внутренним светом души свежие пигментные пятна, проявляя в нём новую силу хранителя? Потому что сейчас внутри всё горело от нестерпимого жжения веры, надежды и любви ко всему живому на свете. Теперь Аксель чувствовал, что его с этими воинами-пилигримами связывает что-то особое. Что-то великое и очень большое. То, что неподвластно описанию, но это «что-то» неподвластно ничему. Сейчас парень ясно осознал, что может с уверенностью назвать этих двоих паладинов света своими друзьями. Он определил для себя, что по-настоящему уважал и любил их и готов теперь идти с ними до конца, что бы ни случилось. Потому что знал и чувствовал, что они в свою очередь, несмотря ни на что, поступят так же ради него.

В одном Аксель был прав – ему предстоит пройти через многое. Эти мысли сейчас полностью занимали голову Соломона, который уже ожидал ночных мотогонок неподалёку от клуба. Справится ли молодой парень со всем, что ему, скорее всего, скоро выпадет, как отреагирует и что с ним станет? Ответ может дать только время, только бесконечная циклическая спираль развития его пути всё определит. В конце концов, всё зависит только от него самого.

Соломон стоял на пересечении двух улиц. Через дорогу находилось то место, где его ждало коварное и хитрое существо, общение с которым могло закончиться чем угодно плохим, потому что Ишкариот, явно, что-то задумал. Сейчас, как и всегда, сдержанный кадровик был сосредоточен и терпелив, сохраняя хладнокровие и ясность мысли. Он обстоятельно и кропотливо просчитывал в уме все возможные варианты развития предстоящей встречи с бесом, затаившем давнюю злобу, но результат всё равно оставался непредсказуемым. Соломон пытался хоть как-то подготовиться, но это было невозможно. И, разумеется, кадровик это прекрасно осознавал. Так бывает, когда имеешь дело со злом, особенно, когда заключаешь с ним соглашения, сделки или какие-либо договоры. Когда идёшь с нечистью этого мира на компромиссы, пытаешься отсрочить неизбежное, бывает только хуже. И пусть внешне Соломон оставался спокоен и невозмутим, сохраняя стойкость и благородный вид, но внутренне он был озадачен и крайне встревожен тем, что ситуация набирает обороты, выходя из-под контроля, изгибаясь в новом витке развития, проходя очередной неизбежный этап. Ему оставалось только корить себя за прошлое, что казалось совершенно бессмысленным занятием, и надеяться на будущее, веря в силу разума и души, также рассчитывая на силу тела, прежде всего, по отношению

к молодому парню, к Акселю. В дальнейшем многое будет зависеть именно от новоявленного хранителя материи. Только от Акселя.

В конце одной из широких улиц, сливающихся на этом перекрёстке, послышался шум приближающихся мотоциклов. Соломон оторвал меланхоличный взгляд от асфальта и оттолкнулся от стены здания, к которой прислонился, облокотившись в процессе своих раздумий.

Он знал наверняка, кому принадлежит один из мотоциклов, этот стремительно приближающийся, яростно грохочущий звук нельзя спутать ни с чем. Без сомнений, это ехал Самсон. Более высокий, отчаянный и надсадный рёв мотора, скорее всего, принадлежал спортивной байке Акселя. Соломон приготовился их встречать, выйдя к краю дороги и встав у светофора, чтобы сразу обратить на себя внимание этих полуночных гонщиков. Он уже видел своего брата и Акселя там, откуда раздавался быстро надвигающийся гул, который вскоре стал шумом, а потом и вовсе громовым рёвом двух байков, разрывающим в клочья злобно затаившуюся местную тревожную тишину. Сейчас всё начнётся. Развязка уже очень близка, но предугадать её даже мудрый и внешне уравновешенный Соломон был сейчас не в силах.

Чтобы его точно заметили, кадровик для надёжности поднял руку. Но, осознав всю бессмысленность своего порыва, вдруг понял, что делает это не с практической точки зрения, а, скорее, рефлекторно. Они заранее договорились о встрече в условленном месте, поэтому движение руки было совершенно лишено функционального смысла и однозначно являлось приветственным, дружественным жестом для его верных товарищей.

Мотоциклы плавно подъехали к тротуару.

Самсон что-то сказал Соломону, но из-за шума моторов кадровик не расслышал фразу. Грохот от стальных инженерных шедевров стих, и сразу настало облегчение для всех органов чувств, словно из головы вынули вибрирующий кол, вбитый в одно ухо, вышедший из другого.

– Извини, Самсон, я не расслышал...

– И я рад тебя видеть, брат. Я сказал: «Здорово!».

– Приветствую, Соломон.

– И я вас приветствую, друзья.

Наивная и лучезарная улыбка осветила добродушное и искренне беззлобное лицо Соломона. В общении со своим братом и Акселем кадровик всегда оставался простодушным, доверчивым и открытым, бесхитростно реагируя на всё, ничего не требуя от них взамен.

– Ты что, был сегодня на ретро вечеринке, Соломон?

– Отнюдь. Это не входило в мои планы на вечер. А что? Почему тебя это интересует? С чего вдруг был задан такой странный вопрос?

– Просто я по твоему галстуку пытался догадаться.

– А что с ним? Что-то не так?

– Нууу, он... Такооой... Винтажный... Но не подумай, это – не комплимент. Ха-ха-ха!

Причём, Самсон не знал точного значения этого слова – «винтажный». Оно просто всплыло у него в голове, и ему показалось, что выражение, вроде бы как, идеально подходит под общее описание этого ретро аксессуара из прошлого. По мнению байкера старинный галстук был неуместен, ужасен и безвкусен даже для самых древних времён, для любых времён. На деле так всё и было.

– Я поражаюсь, брат. Как тебя на работе ещё терпят? У тебя же абсолютно нет стиля. Хотя, нет, прости. Галстуки у тебя шикарные, они всё компенсируют. Я б сказал, галстуки – твой конёк, твоя «фишка». Аха-ха-ха! Всё... Прости, Соломон... Прости... Больше не буду...

Соломон сразу поник, поняв, что над ним снова издеваются. Уже в который раз. Но обижаться кадровик не стал, то ли от того, что не хотел обижаться на того, кого любит всем сердцем, прощая ему такие вольности, а, может быть, потому, что просто привык к подобным невинным шалостям своего брата, будучи не в силах предвидеть их или пресекать.

Аксель же, напротив, перестал терпеть такие насмешки над тем, к кому проникся безграничным уважением и безмерно светлыми чувствами. По мнению парня даже Самсон не имеет морального права подшучивать и насмехаться над этим человеком, грандиозным по своим внутренним качествам личности, пусть даже байкер – его брат.

– Самсон, а что значит слово «винтаж»?

– Чего?

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь слово «винтажный»?

– Ну... Это... Типа...

– Конечно, же в условиях твоего контекста...

– Чего?.. Контекста?..

– Да, контекста. Какое ты дашь определение этому слову, как его охарактеризуешь с точки зрения лингвистической семантики?

– Ну... Короче... По «лингвистической семантики», значит...

– Ага... Лексическое значение слова... Просто я его раньше не слышал... Расскажи, будь любезен.

– Лек-си... Лек-сип-ченс-кое?

Посмотрев на Акселя и заметив его хитрую ухмылку, Самсон сразу всё понял. Понял, что на этот раз издеваются над ним, засыпая терминами. Понял, что издеваются в отместку. Вот наглец! Байкер возмутился, но не рассердился на парня, а даже внутренне порадовался за него, за Соломона и посмеялся над собой, хоть в виду, конечно же, не показал, боясь потерять свой авторитет.

– Слышь ты, пацандре!!! Ты доиграешься. Защитничек тут нашёлся. Ещё один умник!

– ... Я так и думал, что ты не знаешь смысла слова «винтажный». Хах! Но оказывается, что ты не знаешь ещё и значение слов «контекст», «лингвистика» и «семантика». Ну, и лексического значения слова «лексический» ты тоже не знаешь, полагаю. Стыдно, Самсон... Стыдно. Двойку тебе в дневник поставлю. Садись.

– Так! Завязывай с этим, пацан! Хватит уже!

– В чём, собственно, причина негодования Самсона, Аксель? Я не улавливаю сути происходящего...

– А я скажу тебе, брат! Суть в том, что один умник защищает другого умника, выставляя меня дураком! Вот и вся суть! Хорошо устроились! Молодцы!

– Ладно, Самсон. Расслабься... Я не со зла, сам знаешь. Ведь ты так же над братом подшучиваешь? Не со зла. Верно?

– Верно... Верно. Но то – мой брат, у нас свои отношения, а вот тебе над собой подшучивать я не позволю. Понял?

– Понял... Тогда прошу тебя не стесаться над Соломоном в моём присутствии. А с подарком для тебя я определился.

– И что это за подарок такой?

– ... Лексический словарь.

– Вот, зараза малолетняя! Ну, смотри у меня, пацан! Ну, смотри!

– Прошу вас не ссориться. Сейчас это лишнее и совершенно не уместно при наших обстоятельствах. Давайте будем предельно серьёзны. Там, внутри клуба, нас ждёт сильный бес. И кто знает, «кто» или «что» ещё. Это очень опасное мероприятие.

Самсон быстро остудил свой пыл насчёт претензий к Акселю, потому что в глубине души рассерженный байкер остался доволен и несказанно радовался поведением парня, а все притворногрубые высказывания и шуточные угрозы в его адрес были лишь для бравады и поддержания брутального имиджа.

– Боюсь, брат, что до встречи с Ишкарией дело может не дойти.

– Отчего же такие опасения?

- Пацан, как думаешь, в этом заведении есть «фейсконтроль» на входе?
- Думаю, что да.
- А теперь посмотри на нашего модника и скажи, пустят его внутрь или нет.
- Сомневаюсь. Шансов мало.
- Вот об этом я и говорю.

Внешний вид Соломона оказался как всегда нелеп, абсурден и катастрофически негармоничен. Каждая деталь одежды кадровика была удивительна и неповторима сама по себе в отрицательном смысле этого выражения. К тому же, если рассматривать надетые на него элементы в совокупности, то они ещё и противоречили друг другу, перебивая и споря между собой в безвкусице. Всё было не так: цвет, крой, дизайн, фактура, текстура, посадка, размер, уместность стиля. Да какое там! Стилем тут даже не пахло! Стиль «Что было, то надел» – не стиль. Но вся прелесть ситуации заключалась в том, что кадровик специально готовился к этой встрече в ночном заведении, и именно сегодня он как никогда тщательно подбирал свой гардероб на вечер для выхода. И всё равно внешность Соломона стала для него полным провалом.

Кадровик рассудительно и вполне официально обратился к Акселю, но парню показалось, что в его голосе прозвучали ноты надежды.

- Неужели, всё настолько скверно? Я про свой вид...

Аксель сокрушительно покачал головой в ответ.

- Прости, Соломон... Твой брат прав...

Но кадровик не опечалился и не растерялся. С невозмутимым лицом он продолжил.

– Внешний вид – не самое главное. Гораздо важнее, что внутри человека. Нам главное – начать. А в процессе развития событий всё встанет на свои места. Мне думается именно так.

– Ага, блин... Только вот до процесса развития событий может не дойти... Как начнём, так сразу нас и развернут у входа всех троих. Провожают по уму, это ты прав, брат. Но встречают-то по одежке. А сначала всегда встречают, а не провожают – вот в чём проблема.

– Да ладно тебе, Самсон. Разберёмся по ходу. Нормально он выглядит. Не хуже тебя, выходец из байкерской разливухи, отщепенец жизни. За хипстера, может, сойдёт. Давай, веди нас, Соломон.

На этот раз Самсон промолчал, ничего не возразив и никак не отреагировав на острое замечание Акселя. Вероятно, потому что в словах парня был смысл. Байкер предпочёл полностью сконцентрироваться на деле, так как осознавал, что шутки и лишние разговоры перед встречей с Ишкариотом могут оказаться последними в жизни.

На входе в клуб полуночную тройцу ждал работник охраны. Он осуществлял визуальный осмотр тех, кто желал пройти внутрь, оценивая посетителей по внешним признакам и различным критериям. В параметры, по которым происходил отсев клиентов, входило много нюансов, но основными были внешний вид, поведение, манера речи, адекватность восприятия реальности, физическое состояние, наличие большого количества денег, статусность личности, возраст, пол. Ситуацию осложняло то, что это был второй вход – «задний», служивший, по сути, для прохода «обыкновенных» людей, не обременённых статусом поп-звёзд, не засветившихся на телевидении или в гламурных тусовках богемы. Но если попасть сюда через второй вход ещё представлялось возможным, то на главный фасадный вход, находящийся с другой стороны здания на параллельной улице, соваться было вообще бесполезно.

Ситуация была однозначной. Кто пустит троих посетителей тогда, когда веселье в самом разгаре, и клуб забит до отказа? К тому же их внешний вид, если говорить откровенно, но очень деликатно, не совсем соответствовал политике этого престижного и элитного ночного клуба, да и любого ночного клуба в принципе. Эти трое не подходили по всем параметрам. Ладно, если бы это были три молодые, состоятельные, богатые и красивые девушки в шикарных вечерних нарядах. Даже не обязательно богатые, главное – эффектные, потому что если у них нет денег, то на них потратятся молодые глупые парни, угощая в баре, чтобы произвести нужное

впечатление для достижения всем известных целей. Но тут картина другая: конторский работник, одетый как... Как конторский работник без чувства стиля и вкуса, какой-то рокер, который, скорее всего, приехал сюда на мотоцикле из кабака, где спустил все деньги, и решил продолжить веселье здесь для разнообразия и молодой парень. Кстати, парень выглядит довольно прилично. Может, он и есть тот глупый юнец, разбрасывающийся деньгами ради юных женских тел, угощая всех дорогой выпивкой. В любом случае, пускать их всех не имело никакого смысла.

Охранник был тут в полном одиночестве. Он находился здесь один, но этого вполне хватало, потому, что это был не охранник, это была скала. Он просто стоял прямо перед дверью, широко расставив ноги. Мощная и коренастая фигура словно выросла в асфальт. Огромная глыба, высеченная из самой большой в мире горы. Немыслимой была бы попытка хотя бы просто сдвинуть его с места, чтобы пройти внутрь. Такой кусок плоти сложно было оторвать от земли и переставить в сторону, если только он сам этого не захочет. Сложно поверить, что люди могут быть таких размеров. Аксель поймал себя на мысли, что сравнивает этого крупного мужчину с каким-нибудь супергероем из комиксов, настолько нереальным были размеры его тела. Даже Самсон рядом с ним казался уже не таким могучим и мощным, а Соломон таким рослым и статным.

– Это частное заведение. Сожалею, но вам отказано в проходе внутрь.

– Расслабься, здоровячок, мы не надолго. У бара посидим, музыку вашу послушаем и свалим. У нас тут встреча.

– У всех тут какая-то встреча. В проходе отказано. Сожалею.

Самсон шёл напрямик, не сбавляя темпа ходьбы. Совершенно очевидно, байкер не собирался останавливаться, чтобы не давать охраннику даже намёка на то, что слова хмурого и серьёзного огромного титана хоть как-то подействовали на решимость Самсона. Аксель и Соломон знали, что одних только слов сейчас будет мало для того, чтобы их товарищ послушался и отказался от идеи зайти в клуб. Они оба предусмотрительно отстали на полшага от Самсона и обступили его с обеих сторон для подстраховки.

– Я повторяю. Вам отказано в проходе. Сожалею. Это закрытое заведение.

Самсон шагал, всё ближе и ближе приближаясь к заветному входу, и ещё ближе к охраннику.

– Да, брооось. Я не хочу с тобой ругаться. Просто пропусти нас... Лады?

Перейдя невидимую черту, Самсон оказался в зоне, которую люди называют личным пространством. Он настолько стремительно и неотвратимо надвигался на охранника, что Аксель занервничал. Конечно, байкер думал, что тот не выдержит и отойдёт, но его расчёт не оправдался. Надежды охранника, что незнакомец остановится или свернёт, тоже рухнули, когда оба оказались практически лицом к лицу на расстоянии согнутой в локте руки... Огромной руки охранника, ладонь которой предупредительно легла на грудь настырного и напористого байкера.

– Вы двое, – он мотнул головой на Соломона, – Не проходите. Частное заведение.

– Убери руку, здоровяк. Или я её сломаю, оторву нахрен и вставлю тебе в дырку, куда-нибудь сзади и пониже. Будет больно, обещаю.

Повисло тяжёлое молчание. Соломон и Аксель застыли на месте, боясь пошевелиться, чтобы не провоцировать Самсона и охранника ни на какие резкие и необдуманные действия. Аксель посмотрел на своего товарища и понял, что Самсон вовсе не шутит, когда говорит об оторванной руке, торчащей у этого громалы из заднего прохода. Пауза давила на окружающих зудящей тишиной, от которой сводило зубы. Напряжение застыло в самом воздухе, и казалось, что в нём пробегают электрические токи от натянутых нервов, неслышные, но такие осязаемые. Сейчас может произойти что угодно.

Взгляд Самсона ухватился за лицо верзилы, и впился в него мёртвой хваткой. Охранник был на целую голову выше байкера, даже выше, чем Соломон, поэтому Самсону пришлось задрать подбородок повыше и смотреть снизу вверх, что ни капли его не смущало, ведь ему приходилось иметь дело и не с такими «экземплярами».

Охранник молчал. Он тоже, как и Самсон, не привык никому уступать, особенно, когда был на работе. Никто ещё не помешал этому человеку размером с гориллу выполнить свои профессиональные обязательства, потому что никто ещё не проходил через эту дверь без согласия на то этого генетического мутанта.

И всё же здравый смысл с инстинктом самосохранения сделали свою работу. Кисть медленно и аккуратно оторвалась от тела Самсона, затем опасно и плавно устремилась вниз. Одновременно охранник незаметно и очень осторожно сделал шаг назад, чтобы иметь возможность контролировать всех троих, создавая себе преимущество в пространстве для реакции и лучшего обзора ситуации. Теперь он стоял прямо около двери в клуб, спиной к стене, и обойти его стало невозможно.

– Ничего личного. Никому сегодня не нужны проблемы. Но вы сюда не пройдёте. Вам отказано в проходе. Политика частного заведения.

– Вот, заладил, урод. Послушай, ты... Кхэммм... Я буду с тобой предельно вежлив, поэтому не стану сразу вырубать тебя тут, перед входом в этот гадюшник, прямо на твоём рабочем месте. А ещё я буду с тобой так любезен, потому что понимаю, что тебе и так в жизни не повезло, если ты тут стоишь с вечера до утра и пускаешь наркоманов, побогаче, которые за ночь потратят тут столько, сколько ты зарабатываешь за месяц. Но если ты думаешь, что я буду спрашивать у такого неудачника, как ты, можно ли мне пройти в этот сраный клуб, то ты очень сильно ошибаешься, дружок. И не вздумай рисковать своим здоровьем, здоровяк, лучше отойди в сторону. Иначе, я перешагну через твоё тело и всё равно пройду в эту сраную дверь.

– Вот теперь, мужик, ты точно не проходишь в клуб. Ты не первый, кто тут пытается что-то из себя строить. И, сам понимаешь, точно не последний. Думаю, сегодня таких, как ты будет, примерно, человек десять, или двадцать. Кто-то ругается, кто-то угрожает, некоторые кому-то звонят, другие жалуются, или уговаривают, кое-кто даже умоляет. Но, в конце концов, все уходят ни с чем. Не нарывайся, мужик.

– Ааааа, я понял! Тебе денег дать? Ну, что же... Давай так... Сколько тебе нужно для счастья, а, крепыш?

– Ты не понял, мужик. Давай не будем обострять. Ты не проходишь по «дресскоду», твой товарищ тоже. Только парень. На этом всё.

– Ну, ты...

Вперед шагнул Соломон, бережно отстраняя своего брата, чтобы избежать неприятностей.

– Позволь мне Самсон. Эммм... Послушайте... Уважаемый... Сразу хочу принести извинения за своего брата и поблагодарить за Вашу выдержку и профессионализм. Одновременно я прошу Вас войти в наше положение. Я нахожу этот конфликт совершенно бессмысленным. Надеюсь, это недоразумение не обидело Вас, но если так, ещё раз приношу глубочайшие извинения от всех нас. Видите ли, нам необходимо попасть внутрь по той причине, что у нас, действительно, назначена очень важная встреча в этом заведении. Если Вы будете достаточно любезны и позволите нам пройти в этот клуб, то мы тотчас покинем это место после того, как встретимся там с нужным нам человеком. Мы же, в свою очередь, окажемся Вам весьма признательны и невероятно благодарны. Поверьте, мы прекрасно понимаем политику этого заведения и осознаём, что не совсем вписываемся в его концепцию своим внешним видом. Но вопреки инструкциям, будьте снисходительны к нам. Нам потребуется не более одного часа времени. Мы не создадим никому проблем, будьте спокойны насчёт этого. За своего брата – смутьяна, я могу поручиться лично. Правда, Самсон?

– ...

– Самсон...

– Ооо... Да-да... Обещаю, что оставлю неплохую выручку в вашем баре. У вас же есть вискарь? А? Но проблем не будет... Эээм... Как это говорится... Уверяю Вас. Правильно, Соломон?

– Да, всё правильно, именно так. Прошу Вас, любезный, пойдите нам навстречу.

На секунду охранник замялся. Такое обращение к себе он слышал впервые и был приятно поражён тоном и деликатностью, с которыми к нему обращались. Вежливый и тактичный подход застал громилу врасплох, он просто не знал, как ему реагировать в ответ. Ему вдруг стало невероятно приятно от того, что его труд кто-то ценит и уважает, пусть даже такой нелепый с виду человек. Пусть выглядел этот конторский служащий смешно и чудно, в нём сквозило внутреннее благородство и интеллигенция, вызывающие самые тёплые и доброжелательные чувства, заставляющие уважительно и внимательно к нему относиться.

– Проблем не будет, говорите?

– Я Вас в этом уверяю. Будьте снисходительны к нам.

Смущение и замешательство охранника боролись с недоверием к этим загадочным персонам. С одной стороны его просили сделать то, что противоречило его должностным инструкциям, а кроме того, его самолюбию, ведь первоначально, эта троица ему не понравилась, и пускать их он точно не хотел, особенно этого выскочку крепкого телосложения и особенно после его открытых угроз с откровенным хамством. С другой стороны, чисто по-человечески, он понимал то, о чём его просят и даже мог уступить им в этой просьбе, но только, если перешагнёт через себя и свою гордость. А этот высокий и статный человек с благородной душой в коротких штанах и ужасном галстуке умело располагал к себе настолько, что отказать ему было стыдно и неприлично. Охранник почувствовал себя неловко, ему стало неудобно за своё продолжительное молчание, и чем дольше оно длилось, тем больше оно превращало его в глупого, тупого качка «вышибалу», которым он вовсе не являлся.

– Уважаемый, если Вы лично ручаетесь, за эту персону, то я пропущу вас всех. Трех.

– Не сомневайтесь в нас. Я могу поручиться за брата.

– Сожалею...

– Прошу прощения? Вы про что?

– Не повезло Вам с родственником. Нелегко Вам приходится, видимо.

– Ну, ты!...

Соломон строго и недовольно посмотрел на Самсона, осадив его одним только взглядом.

– Ооо, да... Порой я невыносим. Признаюсь... И каюсь... Бывают такие моменты когда я груб и раздражён, как вот, например, сейчас. В такие минуты жизни, я могу даже разбить кому-нибудь черепную коробку. Обычно это здоровенные такие охранники, типа тебя, силач, чтобы мне интереснее было. Понимаешь?

Ситуация была шаткой, и все мосты, что Соломон старательно налаживал, могли вот-вот обрушиться. Охранник снисходительно посмотрел на Соломона, как бы спрашивая его, что будет дальше, если уже сейчас Самсон принялся за старое и снова начинает буяннить. Соломон же в свою очередь пристально взглянул на брата с вопросительным выражением лица, которое одновременно выражало и претензию и взывало к благоразумию.

– Простите меня, сэээээр. Я полностью контролирую себя и ещё раз прошу извинить меня за дерзость. Кажется, приступ гнева отступил, и я уже не хочу никому врезать по харе. Только если никто не будет отпускать в мой адрес глупые шуточки.

– Только из благожелательного расположения к Вам. Как Вас зовут, простите?

– Соломон. К Вашим услугам.

– Прекрасно. Проходите. Только прошу вас, без глупостей там. Будьте внимательны. Иначе, вопросы у администрации будут, прежде всего, ко мне. И ваши проблемы станут моими.

– Я это прекрасно осознаю. Благодарю Вас.

– Под Вашу ответственность, Соломон.

Все трое прошли внутрь. Соломон первый, за ним Аксель, потом Самсон. Байкер специально задержался немного, обменявшись взглядами с охранником. Враждебность куда-то ушла у обоих. Самсон даже похлопал громилу по плечу.

– Благодарю тебя. Ты нормальный мужик. Я сразу понял, что ты нормальный. Только вот решил проверить, струхнёшь или нет. Но ты молодчага, держался, как кремь! Кхах! На вот тебе... Не в обиду... Не подумай... Просто в знак признательности. Это всё, что я могу для тебя сделать сейчас.

Самсон сунул в нагрудный карман рубашки охранника несколько купюр крупного номинала.

Реакция удивила байкера до глубины души.

– Ты за кого меня принимаешь, мужик?! На, заberi это! Вот ещё! Деньги он мне пихать вздумал. Бери пример с брата, мужик! Вот он – благородный и мудрый человек. Его есть за что уважать. И знаешь, это очень печально, если ты не можешь ничего больше мне предложить, кроме, как сунуть эти вонючие бумажки в карман. Не разочаровывай меня в себе.

– Извини. Не обижайся.

Самсону стало искренне стыдно за себя. Он явно перегнул палку в отношениях с этим здоровяком, который приятно удивил байкера, поразив его своими качествами характера, удивив как личность. Тут было над чем задуматься всем.

– ...И потом, деньги тебе пригодятся там внутри. Уж поверь моему слову, мужик. Цены в баре не кусаются, нет. Они сжирают и тебя, и все твои честно заработанные.

– Слушай, извини меня ещё раз. Извини. Не хотел обидеть тебя этими деньгами.

– Да, что там... Не переживай. Мне чужого не нужно, заберу только своё... Всё своё... Чьё бы оно не было.

Оба расхохотались, как старые знакомые над бородатой шуткой. После чего Самсон вошёл внутрь и поспешил последовать за своими товарищами, дожидавшимися его уже за дверью.

...

Оказавшись внутри, все трое не поверили своим глазам. Такой помпезный, роскошный и эффектный с парадного входа ночной клуб оказался таким захолустным, невзрачным и замшелым изнутри. Может быть, всё дело в том, что это был второй вход, так называемый «задний», через который пропускали «второсортных», но очень пафосных посетителей, чтобы забить танцпол и бар до отказа теми, кто модно одет, имеет много наличности в карманах и настроен потратить её в этом заведении. Аксель с братьями сразу попали в небольшой холл, в котором стояли ещё двое охранников, но уже не таких колоритных и эпичных, как тот, на улице. Конечно, эти двое были физически крепкие люди, спортивного телосложения, но внешне в разы уступали тому великану, с которым у Самсона произошёл конфликт, закончившийся так удачно и благополучно не без участия Соломона, который вёл себя как обычно, а, значит обходительно, вежливо и интеллигентно.

В этой импровизированной прихожей было мрачно, даже темно. Пространство освещалось непонятно чем. Неоновый оранжевый тусклый свет от ламп, спрятанных где-то под потолком, ни сколько не помогал глазам хоть что-нибудь разглядеть. Зрение притупилось. Сразу стало неуютно и тревожно. Соломон насторожился. Но Самсон хлопнул его по плечу.

– Что, брат? Не привычно? Расслабься, всё нормально. Это же ночной клуб, тут всегда так. Темнота – друг молодёжи, в темноте не видно рожи. Да, пацан!?

Аксель не ответил. Он не относил себя к ценителям таких мест. Ночные клубы – не его стихия.

Понемногу глаза привыкли к тусклому освещению, организм адаптировался и немного освоился. Из глубины здания разносился мерный постоянный шум, похожий на непрерывный гул поезда или завода, но прислушавшись, можно было расслышать несколько выделяющихся периодически повторяющихся отдельных звуков, объединённых мощным громыханием басов. Соломон не мог поверить, когда определил для себя, что вероятнее всего это была музыка, или её подобие, напоминающее ритуальные шаманские выбивания ритма из чего попало. Только эти ритмы создавались из каких-то странных звуков, природу которых кадровик не мог понять. Он не подобрал других эпитетов к этим звукам, кроме как «электронные», «искусственные», «неестественные».

– Аксель, просвети, пожалуйста, чем занимаются в подобных заведениях?

– Нууу, отдыхают... Наверное...

– Разве тут можно полноценно отдохнуть? Организм находится в постоянном стрессе. Причём все его системы. Боюсь себе представить, что творится внутри. Но, кажется, догадываюсь.

Аксель пожал плечами. Самсон усмехнулся.

– Это ещё цветочки, брат. Ягодки потом. Дальше – больше. Эй! Нас пропустили. Куда нам?!

Двое охранников не проявляли к зашедшим никакого интереса, потому что были уверены, если там, при входе с улицы, эти трое прошли, значит всё в полном порядке и можно не волноваться. Ведь пройти просто так через их напарника-громилы невозможно, а раз они уже внутри, то для тревог нет причины.

– А куда надо-то?! Там – сортир! Там – гардероб! А там – помещения клуба! По коридору до конца и направо! Дальше разберётесь сами. Тусуйте только на первых двух этажах. На третьем – исключительно «випы».

– Ага... Исключительно... Надо же...

Когда охранник говорил про помещения клуба, к которым относились три уровня с танц-полами, барами, отдельными столиками и зонами отдыха на каждом, он указал на длинный коридор, заворачивающий направо, служащий, по сути, пожарным выходом из подсобных помещений.

Если не вспоминать, что это был ночной клуб, можно было бы подумать, что коридор был частью какого-нибудь промышленного помещения или полузаброшенного здания, сдаваемого в аренду кому попало для всевозможных нужд. Стены, пол и потолок выглядели весьма не ново, и это очень мягко сказано. Пространство требовало ремонта, причём не косметического, а капитального и, по всей видимости, уже довольно давно. Коридор был освещён плохо, но куда лучше, чем холл прихожей. Лампы дневного света, редко развешанные по всей длине, отдавали пространству холодный безжизненный резкий свет. Они хоть и были включены через одну, но этого хватало, чтобы назвать освещённость достаточной, вернее, чтобы вообще говорить о какой-то освещённости, в отличие от здешнего пространства, где царила тень и почти полный мрак. Одна лампа немного провисла, грозя вот-вот упасть. Она всё время хаотично мигала, словно передавала морзянкой несвязный бред сумасшедшего, то ли предостерегая от чего-то, то ли моля о чём-то входящих внутрь.

Аксель много слышал об этом клубе, но ни разу тут не был, поэтому в плохом смысле слова впечатлился внутренним убранством заднего входа в раскрученный и модный заведение. Такой разрухи он никак не ожидал увидеть. Не удержавшись, он выдал реплику.

– Ну, и декорации! Как в подвале. Вряд ли я сюда захочу ещё раз вернуться. Только если через парадный вход. Но это, когда разбогатею или стану знаменитым. Ха-ха! Мда, уж...

Самсон подхватил настроение парня. Он видел захолустья куда хуже, но только не в таких разрекламированных на весь город местах, куда стекается вся современная гламурная публика.

– Ага, этикетка красивая такая, блестит, переливается. А к конфете на доньшке какашка прилипла. Вот мы как раз в такой какашке сейчас и находимся.

– Весьма содержательное метафоричное сравнение, Самсон. Аналогию я уловил. И позволю себе высказаться, что нахожу эту смысловую связь весьма уместной и применимой.

– Чего?.. А!.. Ага...

Самсону пришлось сделать вид, что он понял, что сказал ему Соломон, хотя на самом деле понял он только несколько слов, но общий смысл всё же уловил.

Байкер снова вспомнил про Ишкарию, который, наверное, уже ждал их внутри. Ещё раз посмотрев на длинный и зловещий коридор, заворачивающий направо, он подумал, о том, что может их ждать там, за поворотом. К Самсону подошёл Соломон и положил ему руку на плечо, Аксель же остался немного позади них, о чём-то перекинувшись парой фраз с охранниками.

– Обычно с таких коридоров в фильмах ужасов начинаются истории, которые плохо заканчиваются...

– Правда? А что за истории?

Серьёзный взгляд Самсона одарил его брата порицанием и осуждением. Шутка не прошла.

– Нет, серьёзно, Самсон. Что за истории? Я не достаточно просвещён...

– Ты что, блин, телек не смотришь? Ужасики, там, всякие? Не?

– Телевизор? Средство массовой дезинформации? Нет, Самсон, я не смотрю телевидение. И тебе не рекомендую. Что ты имел в виду, когда говорил про истории с плохим концом?

– Ааааа, Соломон! Не важно... Не сейчас... Забей болт кувалдой. Лады?

– Я снова не понимаю твоих фразеологизмов.

– А я твоих умных слов! Всё. Пойдём. Аксель, давай, шевели булками!

Акселю пришлось догонять братьев. Когда он обернулся, они уже шагали по длинному проходу, освещаемые мерцающим светом. Парню казалось это место зловещим, не внушающим никакого доверия. Словно всё здесь пропиталось злобой, притворством и таило опасность. Трemor мигающей лампы вселял чувство напряженности, которое, похоже, уже не покинет никогда.

Из-за поворота, куда уходило пространство коридора, вышел человек невысокого роста, в узких облегающих джинсах, короткой лёгкой кожаной куртке и в бадлоне с высоким горлом. На голове была надета бейсболка, украшенная какими-то стразами. Лица незнакомца Аксель не разглядел, так как тот, увидев Соломона и Самсона, натянул козырёк поглубже к низу и опустил подбородок, словно поправляя головной убор поудобнее, незаметно спрятав тем самым своё лицо от братьев.

Но когда этот ночной тусовщик прошёл мимо товарищей Акселя, уступив им место в проходе коридора, аккуратно протиснувшись вдоль стены, он поднял голову и посмотрел прямо в глаза парню. Взгляд был дерзкий. Акселю он показался даже вызывающим. Незнакомец вошёл в зону, где длинные ртутные лампы не горели, оказавшись полностью в тени. Аксель вспомнил ситуацию на входе в клуб и обещание Соломона, что они не создадут никаких проблем. Поэтому, предусмотрительно уйдя в сторону, к правой стене, он максимально уступил место наглому встречному, дабы избежать ненужных столкновений. На всякий случай Аксель даже отвёл свой взгляд, чтобы не провоцировать никого на необдуманные поступки.

Но не тут-то было. От сильного и резкого удара плечом в плечо, который был сделан незнакомцем намеренно, Акселя откинуло назад. Ноги всё ещё продолжали двигаться вперёд, но корпус был развёрнут. Задира снова поднял своё лицо. На этот раз он стоял прямо под лампой, и, кажется, Аксель увидел на лице с довольной ухмылкой голубоватые сеточки выделяющихся сосудов и капилляров в уголках губ и вокруг глаз. Это было всего лишь мгновение, всё произошло на ходу и очень быстро, к тому же освещённости, всё-таки, не хватало. Но если

это действительно было то, что показалось Акселю, то парень готов был поклясться, что лицо незнакомца было синюшно-бледное, а душа чёрной и ужасной.

Ярость охватила Акселя. Но он тут же снова вспомнил ещё кое-что. Тех двоих из бара, которым от него досталось так, что он до сих пор переживал за их судьбу, здоровье и даже жизнь, коря себя за безрассудство. Это могло быть лишь плодом его фантазий, галлюцинацией от перенапряжения в этом поганом месте, где всё провоцировало на помутнение чувств и неадекватность рассудка.

Решение пришло само собой, когда Аксель совладал с собой. Он просто нажал на тормоза и отпустил ситуацию. Успокоившись, он продолжил движение, более не оборачиваясь. Тем более, что Самсон с Соломоном не видели того, что произошло и уже повернули за угол.

Неожиданно Аксель услышал вкрадчивый и сдержанный, но весьма бодрый голос у себя за спиной.

– Надумаешь ответить – я жду на улице. Если, конечно, не засышь. Я надеялся, ты побойчее окажешься. Хранитель, долбаный.

Аксель сразу понял, что ему не показалось.

– Дождись меня, тварь. Только дождись. Мы обязательно продолжим наш разговор. Я научу тебя манерам, срань заразная.

– Обещаю.

...

В основном помещении клуба было совсем другое дело. Тут всё было ярко, броско и богато украшено. Просторное, нет, огромное помещение высотой в три этажа, до отказа заполненное людьми, дёргающимися в первобытных ритуальных конвульсиях здесь, на первом уровне. На втором же расположились те, кто считает себя выше того, чтобы слиться с толпой и предпочёл «мягкую» зону, где можно со вкусом и шиком потратить весьма внушительные суммы денег. Третий уровень был только для особых гостей, вход туда был недоступен практически всем. В глазах сразу зарябило. Здесь всё блестит, переливается и мерцает всевозможными огнями. Вокруг разодетые люди, кто во что, но все яркие, стильные и, видимо, очень модные. Повсюду какой-то дым, сквозь который проходят лазерные красочные лучи. Одновременно со всем этим безумием по ушам бьёт оглушительная музыка, выколачивая из головы последние остатки ясных мыслей, заставляя поддаться общему неосознанному массовому психозу и помешательству. Кто-то визжит от нескончаемого экстаза в алкогольном опьянении. А может быть, вовсе не в алкогольном, а, скорее, в наркотическом. Оооо, да тут много таких... Через одного. Полуголые дамочки, стильные мужчины и полумужчины. А есть и такие, о ком сразу не скажешь, какого он пола... Или она... Полное сумасбродство. Содом и Гоморра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.